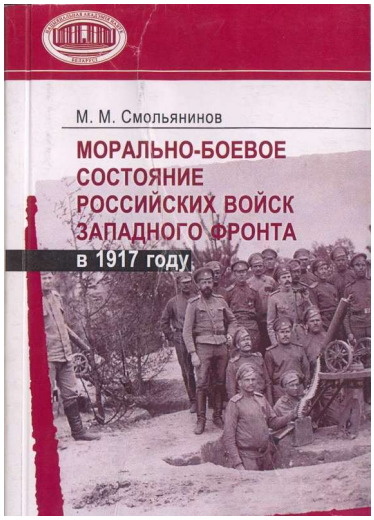
М. М. Смольянинов
МОРАЛЬНО-БОЕВОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА
в 1917 году

Михаил Митрофанович Смольянинов

Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7058312
Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов.: Белорусская наука; Минск; 2007
ISBN 978-985-08-0903-2

Аннотация

В монографии рассказывается о проблемах российской армии в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.). На большом фактическом, в основном архивном материале показано, как военнотехническая и экономическая отсталость царской России и поражения на Западном фронте повлияли на морально-боевое состояние российских войск. Говорится и о других причинах, вызвавших недовольство в войсках внешней и внутренней политикой самодержавия, а затем и Временного правительства. Повествуется о морально-политическом подъеме среди солдат и демократически настроенных офицеров в результате победы Октябрьской революции и начала осуществления первых революционных преобразований (провозглашение декретов о мире и земле, заключение перемирия и прекращение военных действий). Показан процесс реорганизации старой армии путем пол¬ной демократизации командного состава и постепенной ее демобилизации.

Книга рассчитана на научных работников – историков, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется историей.

Содержание

Введение 5
Глава 1 10
Глава 2 23
2.1. Влияние Февральской революции на морально-политическое состояние армий Западного фронта 23
2.2. Демократизация старой армии – основной фактор подрыва единоначалия командного состава 31
2.3. Влияние политизации армейской жизни на дисциплину и боеготовность войск 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Михаил Митрофанович Смольянинов Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году

Р е ц е н з е н т ы:
член-корреспондент НАН Беларуси П. Т. Петриков,
доктор исторических наук Э. М. Савицкий,
доктор исторических наук В. Е. Козляков

Введение

Проблема состояния русской армии в годы Первой мировой войны имеет богатую историографию. Историки и публицисты проявляли большой интерес к этой теме после 1917 г. Об армии подготовлены и изданы специальные монографические труды, мемуарные произведения и документальные сборники, написаны диссертационные работы, опубликованы параграфы и разделы в многочисленных изданиях по истории Октябрьской революции.

Отношение авторов изданий и публикаций к происходившим в русской армии в указанный период событиям и процессам, их взгляд на них и оценка не однозначны.

Буржуазные историки и публицисты, генералы, другие очевидцы и участники событий тех лет, оценивая происходившие в русской армии процессы с государственной точки зрения, с точки зрения воинских уставов и законов, квалифицировали их как разложение русской армии, противодействовали их развитию[1]. Историки и публицисты – представители партий революционной демократии (большевики, эсеры и меньшевики), подходя к этим процессам с классовых позиций, видели в них революционные аспекты, способствовали их развитию с целью разрушения старой армии, как оплота изжившего себя самодержавного строя. Советские историки рассматривали происходившие в царской армии события и процессы только через призму революционного движения, борьбы большевиков за привлечение солдатских масс на сторону революции. Нередко в угоду политической конъюнктуре эта деятельность большевиков в значительной мере преувеличивалась.

Советскую историографию проблем русской армии в годы Первой мировой войны и проблем Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций 1917 г., при разработке которых исследователи в той или иной мере затрагивали проблемы русской армии, условно можно разделить на два периода: историографию 1917 г. – первой половины 1950-х гг. и историографию второй половины 1950—1980-х гг.

В первые годы Советской власти активными революционерами, очевидцами и участниками событий той поры были написаны воспоминания, статьи, брошюры[2]. В эти годы были сделаны первые попытки научно обобщить события и деятельность большевиков в русской армии[3], опубликованы работы о революционном движении в Беларуси и на Западном фронте[4]. Трудами этих лет было положено начало политизации исторических событий. В них элементы стихийной деятельности масс в революции подменялись целенаправленной деятельностью большевиков, во многих случаях не подкрепленной конкретными фактами. Авторы необоснованно и незаслуженно преувеличивали роль отдельных личностей в деятельности большевиков по привлечению трудящихся Беларуси и солдат Западного фронта на сторону революции. В их трудах И. В. Сталин представлен как второй, после В. И. Ленина,

---

[1] См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991; Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991; Данилов Ю. Н. На пути к крушению (Очерки из последнего периода русской монархии). М., 1992.

[2] Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Смоленск, 1920; Он же. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; Дмитриев И. Октябрь в Орше // Пролетарская революция. 1922. № 10; Петров Н. Октябрьские дни в действующей армии // Пролетарская революция. 1925. № 3(38); Мясников А. Ф. Подготовка Октября // Бальшавік Беларусі. 1927. № 3; Фомин В. Съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в апреле 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 4(63).

[3] Рабинович С. Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. 1926. Кн. 6; Он же. Большевистские военные организации в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 6(77), № 7(78); Он же. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930; Кизрин И. Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931.

[4] Лелевич Г. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922; Киржниц А. Октябрьские дни в Белоруссии // Пролетарская революция. 1927. № 12(71); Он же. Сто дней Советской власти в Белоруссии (12 ноября 1917 г. – 19 февраля 1918 г.) // Пролетарская революция. 1928. № 3; Шчарбакоў В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская акупацыя. Мінск, 1930.

вождь революции, а Л. М. Каганович – как организатор и руководитель Полесской организации РСДРП(б), что не отвечает истине. В то же время имена других участников Октябрьской революции в Беларуси и на Западном фронте замалчивались.

В целом исследования проблем Октябрьской революции начиная с 1930-х гг. стали свертываться. Это объясняется развитием культа личности И. В. Сталина, Великой Отечественной войной. В конце 1930-х–1940-е гг. вышли в свет лишь «Краткий курс истории ВКП(б)» и второй том «Истории гражданской войны в СССР», в которых кратко повествуется и о революционных событиях на Западном фронте[5], отдельные журнальные статьи.

Оживление в развитии историографии Октябрьской революции и происходивших процессов в русской армии наступило с начала 1950-х гг. В этот период появились первые исследования, специально посвященные происходившим событиям на Западном фронте. К ним следует отнести прежде всего монографию Л. С. Гапоненко, кандидатские диссертации Н. Е. Гуревича, П. С. Кругликова, Х. В. Коникова и И. К. Тележкина[6]. В работах этих авторов ярко выражено влияние культа личности И. В. Сталина. Процессы и явления, происходившие в русской армии, в том числе и на Западном фронте, рассматривались ими через призму революционной целесообразности и как организованные большевиками, при отсутствии какой-либо стихийности событий.

К 40-летию Октябрьской революции подготовили и издали свои работы белорусские историки В. Г. Ивашин, Н. В. Каменская, И. И. Саладков, Г. А. Гречкин, Е. Д. Диренок. Исследуя вопросы подготовки и проведения Октябрьской революции в Беларуси и отдельных ее губерниях, они кратко касались событий и на Западном фронте.

В последующие 30 лет продолжалось активное исследование вопросов истории Октябрьской революции и установления Советской власти, а в комплексе с ними и вопросов революционного движения в русской армии. В эти годы вышли в свет работы И. И. Минца, П. А. Голуба, А. М. Андреева, Е. Н. Городецкого, О. Н. Знаменского, Н. Я. Иванова, В. И. Миллера, Н. М. Якупова, Т. Ф. Кузьминой[7] и других историков, в которых затронуты отдельные аспекты событий, имевших место на Западном фронте.

В эти годы более глубоким и всесторонним исследованием проблемы Октябрьской революции и установления Советской власти в Беларуси занимались белорусские историки. В работах И. М. Игнатенко, В. Г. Ивашина, П. А. Селиванова, А. Г. Хохлова и других авторов[8], а также в коллективных трудах[9] нашли отражение процессы и события, происходившие в войсках Западного фронта.

---

[5] Краткий курс истории ВКП(б). М., 1934; История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1942.

[6] Гапоненко Л. С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953; Гуревич Н. Е. Борьба большевиков за солдатские массы на Западном фронте в 1917 году (март – октябрь): Дис. … канд. ист. наук. М., 1949; Кругликов П. С. Большевики Минской губернии и Западного фронта в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918): Дис. … канд. ист. наук. М.,1955; Коников Х. В. Большевики Западного фронта в борьбе за подготовку и проведение Великой Октябрьской социалистической революции (март – ноябрь 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. Минск, 1954; Тележкин И. К. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Западном фронте (февраль – ноябрь 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1950.

[7] Минц И. И. История Великого Октября: В 3 т. М., 1968–1973. Т. 2, 3; Голуб П. Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. Л., 1963; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974; Якупов Н. М. Борьба за армию в 1917 году: Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс центра России накануне Октября. М., 1978; Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

[8] Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск, 1962; Он же. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972; Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября. Минск, 1971; Он же. Военная деятельность Советов Бело-

Следует отметить, что работы советских историков второй половины 1950 – первой половины 1980-х гг. отличаются своей аргументацией и доказательностью, стали более объективными. В них заметно уменьшилось влияние культа личности И. В. Сталина и догм «Краткого курса истории ВКП(б)». Однако процессы и события, происходившие в стране и армии, в том числе и в Беларуси и на Западном фронте, по-прежнему рассматривались историками только через призму революционной целесообразности и деятельности большевиков. Причем деятельность эта в значительной мере преувеличивалась. Однако некоторые исследователи отмечали и негативные явления в революционной деятельности большевиков, которые имели место в русской армии и свидетельствовали о ее разложении еще до Февральской революции.

До недавнего времени в исторической литературе утверждалось, что на Западном фронте уже до Февральской революции было создано и функционировало более 30 большевистских организаций. Более глубокое исследование этого вопроса показало, что такое утверждение не отвечает истине. Установлено, что до второй половины 1950-х гг. каких-либо сведений о численности большевистских организаций до Февральской революции на Западном фронте в исторических трудах не имелось. И не случайно. В условиях преследования царскими властями деятельности партий на Западном фронте до Февральской революции большевистских организаций не было. Действовали лишь (и это подтверждают очевидцы-революционеры и активные участники событий тех дней) в некоторых частях небольшие большевистские группы из трех-четырех человек, которые были разрозненны, связей между собой и с большевистскими центрами не всегда поддерживали и функционировали в глубоком подполье.

Впервые сведения о 20 большевистских организациях на Западном фронте до Февральской революции привел в своей кандидатской диссертации Ф. С. Безродный[10]. Автор назвал эту цифру без ссылки на какой-либо источник или на материалы, на основании которых ему удалось это установить. Затем эту цифру со ссылкой на своего диссертанта привел в первом томе своего трехтомного труда «История Великого Октября» И. И. Минц.

Несколько позже, в 1966 г., во втором томе шеститомной «Истории КПСС» уже говорится о том, что «по приблизительным подсчетам на Западном фронте было создано более 30 большевистских организаций»[11]. И в этом случае без ссылки на источник и без оговорки, по каким материалам проводились подсчеты. После этого последняя цифра стала приводиться во многих исследованиях по истории Октябрьской революции, в том числе и отдельными белорусскими историками[12].

Третьим этапом в развитии историографии проблем русской армии в годы Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. является период с конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. Он тесно связан с так называемой «перестройкой» советского общественно-экономического строя. В эти годы был открыт большой доступ ученым в архивы. Исследование ранее неизвестных, считавшихся секретными, документов и материалов способствовало более объективному освещению исторических событий.

руссии в 1917–1920 гг. Минск, 1980; Хохлов А. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). Минск, 1965; Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981.

[9] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 1 (1883–1920). Минск, 1968; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Гісторыя Беларускай ССР. Т. 3. Мінск, 1973 и др.

[10] Безродный Ф. С. Революционная работа партии большевиков в царской армии в период первой мировой войны (1914 – март 1917 г.): Дис. …канд. ист. наук. М., 1954.

[11] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 2. М., 1966. С. 560.

[12] Скоробогатый В. Возникновение и основные этапы становления большевизма в Белоруссии (1903–1917 гг.). Минск, 1973. С. 175; Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король, Н. С. Сташкевич, А. Ф. Хацкевич и др. Минск, 1987. С. 32.

В этот период опубликовали свои монографии академик И. М. Игнатенко, кандидаты исторических наук П. К. Башко, М. М. Смольянинов[13]. Вышла из печати подготовленная коллективом авторов работа «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября». Историческая литература этих лет в основном придерживалась ранее установившихся позиций при освещении событий и явлений 1917–1920 гг. Хотя в работах названных авторов освещены ранее неизвестные сюжеты и аспекты.

Монография И. М. Игнатенко «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии» явилась фактически первой работой, в которой сделан глубокий анализ объективных и субъективных предпосылок революции, показаны начало и развитие революции в Беларуси и на Западном фронте, раскрыта ситуация, сложившаяся после революции.

П. К. Башко в монографии «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.)», исследуя социально-классовый состав Советов, формы и методы их организационно-политической деятельности, борьбу политических партий за руководящую роль в них, показал взаимодействие Советов и войсковых комитетов частей и подразделений, дислоцировавшихся в городах и местечках Беларуси.

В монографии М. М. Смольянинова «Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г.» дана характеристика революционных перемен на Западном фронте после Февральской революции, показано их влияние на рост революционного сознания солдат, освещен процесс осознания ими таких событий, как апрельский, июньский и июльский кризисы, и корниловщины, отражена роль политических кризисов и корниловщины в эволюции сознания солдат – от индифферентности до целенаправленного революционного действия.

А. С. Король, Н. С. Сташкевич, А. Ф. Хацкевич и соавторы в книге «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября», освещая участие большевиков Беларуси в борьбе за победу Октябрьской революции, показали отдельные аспекты деятельности других социалистических партий, в том числе и в войсках Западного фронта. Однако в целом деятельность большевиков по привлечению солдатских масс на сторону революции, по осуществлению революционных преобразований в частях, соединениях и армиях фронта авторами, подготовившими разделы о фронте, несколько идеализирована. Процесс установления Советской власти в частях и соединениях проходил сложнее и многообразнее, а не по одному сценарию, управляемому большевиками. Кроме того, в работе допущены некоторые неточности. В частности, при освещении вопроса о победе революции на фронте автор (А. Ф. Хацкевич) утверждает, что Минский Военно-революционный комитет (ВРК), «получив весть о событиях в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября, немедленно… обратился с воззванием к солдатам…»[14]. В действительности в это время ВРК еще не был создан. Его создание относится к 27 октября – 2 ноября 1917 г.

В первой половине 1990-х гг., с распадом мировой системы социализма и развалом СССР, когда была поставлена под сомнение марксистско-ленинская методология исследований, подверглись переосмыслению многие вопросы теории и практики марксистско-ленинской теории о революции. Это заметно отразилось на количественной стороне исследований и публикаций по истории революции в Беларуси и на Западном фронте. В эти годы с учетом новых подходов были опубликованы монография И. М. Игнатенко «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі» и «Нарысы гісторыі Беларусі»[15], в которых в сжатой форме повест-

[13] Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). Минск, 1987; Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. Минск, 1991.

[14] См.: Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября. С. 200.

[15] Ігнаценка І. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. Мінск, 1995; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. Мінск, 1995.

вуется и о революционных событиях на Западном фронте, и несколько научных и научно-популярных статей[16].

Таким образом, специальных обобщающих работ, освящающих процессы и явления, происходившие в армиях Западного фронта в годы Первой мировой войны, в последние годы не было подготовлено. В связи с этим автор данной работы сделал попытку на основе главным образом архивных источников, путем беспристрастного, объективного подхода показать материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции, проанализировать влияние последней и связанных с ней политических событий и процессов на морально-политическое и боевое состояние войск фронта, на их дисциплину и боеготовность в период от Февральской революции до Октябрьской, показать осуществление политики партий революционной демократии, направленной на демократизацию войска, и завершение демократизации и демобилизацию старой армии взявшими власть в стране большевиками.

[16] Башко П. К. Контрреволюционеры или оппозиционеры? // Крыжовы шлях: Дапам. для вывуч. гісторыю Беларусі. Мінск, 1993. С. 165–180; Игнатенко И. М. Октябрьская революция в Белоруссии // Беларуская думка. 1993. № 11; Он же. Февральская революция. 1917 год в Белоруссии // Беларуская думка. 1994. № 2; Ён жа. Кастрычніцкая рэвалюцыя: прычыны і сутнасць // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 6; Смальянінаў М. М. Трагедыя пачатку ХХ ст. (Да 80-годдзя пачатку першай сусветнай вайны) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3; Ён жа. Аб маральна-палітычным і баявым стане войск Заходняга фронту напярэдадні Кастрычніцкай рэвалюцыі // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. грамадскіх навук. 1995. № 1; Ён жа. Лютаўская трагедыя 1918 года // Чырвоная змена. 1994. 31 сак.; Ён жа. Ваеннае нашесце 1915 года // Чырвоная змена. 1995. 11 кастр.; Ён жа. Нарачанская аперацыя першай сусветнай вайны // Чырвоная змена. 1996. 3 верас. и др.

Глава 1
Материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции

1 августа 1914 г. двумя группировками крупнейших империалистических держав – Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция, Россия) – была начата Первая мировая война. Обе группировки старательно готовились к войне. Разрабатывая свои планы, каждая из сторон рассчитывала на быстрый разгром своего противника. Однако уже первый год военных действий показал, что расчеты противников на быстротечность войны не оправдались. Она принимала затяжной и ожесточенный характер. Перед каждой из воюющих сторон встал вопрос о материальном обеспечении войск и людских пополнениях, так как мобилизационные запасы были быстро исчерпаны.

Особенно остро этот вопрос встал перед Россией. По признанию самого генералитета, «война застала русское военное ведомство еще не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии»[17]. Уже после двух первых месяцев войны, в конце сентября 1914 г., из штаба Юго-Западного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего впервые поступили сведения о недостатке снарядов, а в октябре – требования увеличить производство винтовок, ружейных патронов, телеграфного и телефонного имущества, усилить деятельность тыла по снабжению армии всем необходимым[18]. Однако в этот период, по словам генерала А. С. Лукомского, главные довольствующие армию управления, убежденные в краткости войны, не придавали тревожным сигналам с фронта серьезного значения, «медленно и неохотно делали крупные заказы».

Между тем, несмотря на возникшие первые большие сложности со снабжением войск, на фронте, как и в стране в целом, продолжал царить дух высокого патриотизма, перераставший в бешеный шовинизм. Царское правительство, буржуазные партии, православное духовенство уже накануне войны, развернув массовую идеологическую кампанию с целью психологической подготовки населения к войне, смогли призвать население к гражданскому согласию во имя защиты Отечества. На стороне патриотических сил выступили также и эсеро-меньшевики.

Единственной партией, выступившей против войны, была РСДРП(б), которая отказалась поддержать царское правительство и признавала полезным (в интересах пролетариата) поражение его и войск в войне.

Несмотря на жестокие преследования и цензуру, большевики стремились к пропаганде своих идей в войсках фронта. Так, по доставленным из департамента полиции в Ставку Верховного главнокомандующего сведениям было установлено, что эта партия, «стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны»[19]. Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал П. К. Кондзеровский по приказанию начальника штаба Ставки 25 ноября 1914 г. сообщил об этом, а также о содержании принятой большевиками на Циммервальдской конференции резолюции (в ней, по сло-

---

[17] Лукомский А. С. Период Европейской войны. Начало разрухи России. Борьба с большевиками. Воспоминания. Т. I. Берлин, 1922. С. 57.

[18] Там же; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. Минск, 1991. С. 99.

[19] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

вам донесения, признавалось, что «лозунгом социал-демократии в настоящее время должны быть всесторонняя распространяющаяся в войске и театре военных действий пропаганда социалистической революции; безусловная необходимость организации для такой пропаганды нелегальных ячеек и групп в войсках и пропаганда республики») и о подготовленных ими, по словам того же донесения, «для распространения двух прокламациях к нижним чинам и студенчеству, в которых… развивались те же идеи вооруженной борьбы с правительством», передавал приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего главнокомандующему Северо-Западным фронтом принять «самые энергичные меры» против пропаганды, «следя за всякими организациями и добровольцами из студентов»[20]. Спустя месяц, 28 декабря того же года, генерал Кондзеровский телеграфировал начальнику штаба Северо-Западного фронта о том, что «по полученным агентурным сведениям проживающие в России евреи и агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над мировым врагом и предъявить русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проповедуемых революционными партиями»[21]. В телеграмме сообщалось, что воззвания эти рассылались по почте в посылках лицам, находившимся в действующей армии.

Чтобы избежать изъятия воззваний и листовок цензурой, они отправлялись с «соблюдением всех мер предосторожности»: в ящиках с двойным дном, под подкладкой пересылаемой одежды и т. п.

Содержание агентурных сведений тиражировалось в штабах и рассылалось в подведомственные управления и штабы для «принятия самых энергичных мер против пропаганды в частях и учреждениях армий»[22].

С первых дней войны антиправительственную и антивоенную пропаганду большевики стали проводить среди войск, дислоцировавшихся и на территории Беларуси. Уже в сентябре 1914 г. в частях на территории Витебской губернии распространялись антивоенные листовки «К солдатам!», «На борьбу с тиранами!», «К народу!», в которых с большевистской точки зрения разъяснялся характер войны, говорилось о ее виновниках и звучал призыв повернуть оружие против последних. Об антивоенной и антиправительственной агитации большевиков в первые месяцы войны и возникновении социал-демократической организации в Минске сообщал в ноябре 1914 г. в Департамент полиции начальник Минского губернского жандармского управления[23].

Таким образом, большевики выступили против войны с самого ее начала. Подходя к оценке причин и целей войны с классовых позиций, они считали ее «империалистической», «захватнической» для всех воюющих сторон и призывали трудящихся этих стран к превращению войны империалистической в войну гражданскую, против своих правительств, развязавших войну[24]. Не поддержанные в этом социал-демократическими партиями II Интернационала большевики остались в одиночестве, но последовательно продолжали проводить антивоенную политику в своей стране, прежде всего в ее вооруженных силах.

Большевики стремились использовать недовольство солдат неудачными операциями на фронте, плохим снабжением и мрачными вестями из тыла. Однако на фоне общего патриотического подъема, вызванного войной, в условиях жестокого преследования, усиленной

---

[20] РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

[21] Там же. Л. 17.

[22] Там же. Л. 10, 17.

[23] Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 − – февраль 1917 г.: Сб. док. М., 1966. С. 86, 141, 154.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 8.

военной цензуры они заметного влияния в войсках на фронте в начальный период войны не имели.

Война легла тяжелым бременем на экономику страны, особенно на сельское хозяйство. Всеобщая мобилизация 1914 г., объявленная в разгар уборочной кампании, призыв в действующую армию более 7 миллионов человек (довоенная армия насчитывала 1,4 миллиона человек) тяжело отразились на экономическом положении деревни. Призывники составляли большую часть трудоспособного сельского населения.

С самого начала войны с огромным напряжением работали железные дороги страны, особенно западного направления. С развитием военных действий возрастал объем оперативных перевозок артиллерийского вооружения, различного войскового снаряжения и имущества. Перевозки вооружения и боевого снаряжения из-за недостатка подвижного состава нередко вытесняли перевозки продовольственных грузов и фуража из районов их основного производства и массовой заготовки для фронта – Степного района, Поволжья, Западной Сибири. Например, только владелец имения «Эртильская степь» Воронежской губернии князь В. Н. Орлов подрядился поставить в 1914–1916 гг. 3-му армейскому корпусу 55 тысяч пудов овса. Поставки овса интендантству этого корпуса в 1915 г. предусматривались крестьянами Крутчино-Байгорской волости и других селений Тамбовской губернии[25].

Лишь с начала войны до конца 1914 г. фронт сравнительно мало ощущал недостатки продовольствия, недопоставка которого из глубинных районов страны в значительной мере восполнялась за счет ресурсов мест дислокации войск. Для удовлетворения потребностей фронта военные и гражданские власти проводили реквизиции скота, хлеба и фуража у местных жителей.

По причине отсталости и неподготовленности русской армии к войне в военно-техническом отношении, бездарности Верховного командования, его зависимости от командования союзных армий, а следовательно, поспешности, ошибок в стратегии и тактике при проведении операций войска с первых дней военных действий терпели одно поражение за другим.

Тяжелое поражение войск Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии и неудачи в наступательных операциях и сражениях войск Юго-Западного фронта в Галиции в 1914 г., огромные потери в русской армии (только в Галицейской операции – 230 тысяч человек[26]) по причине бездарности Верховного командования, отсутствия достаточного вооружения, боеприпасов и снаряжения вызвали в войсках брожение умов и стихийный протест против войны.

Первыми формами стихийного протеста были добровольная сдача в плен, дезертирство и саморанения. Причем к саморанениям с целью избавиться от военной службы прибегали не только в войсках, а уже при призыве, и они приняли такое широкое распространение, что заставили Верховное командование уже 16 октября 1914 г. издать приказ, предписывавший на период войны за умышленное членовредительство строгие карательные меры, вплоть до смертной казни[27].

К концу 1914 г., и особенно в 1915 г., широкое распространение получила и такая стихийная форма антивоенного движения, как дезертирство. Уже в сентябре 1914 г. Новогрудский уездный исправник телеграфировал минскому губернатору о том, что следует «всех нижних чинов Лидского полка полагать беглыми с театра военных действий»[28]. Особенно популярным было бегство солдат из поездов в пути следования на фронт. Об этом свиде-

---

[25] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 35, 36.

[26] Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг.: Воен. – ист. очерк. М., 1964. С. 79.

[27] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 29. Л. 4.

[28] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 859. Л. 364.

тельствуют многие донесения, рапорты и телеграммы начальствующих лиц в вышестоящие органы власти[29].

Например, в изданном в конце 1914 г. циркуляре Департамента полиции отмечались «массовые случаи побегов легко раненых нижних чинов с санитарных поездов, которые затем или направляются к себе домой, или шатаются по окрестным селениям без всякого надзора»[30].

Позорным явлением, свидетельствовавшим о начале разложения армии, была добровольная в массовом порядке сдача солдат в плен. Такие факты отмечал, например, в приказе по 10-й армии от 3 ноября 1914 г. командующий армией генерал Сиверс[31]. Случаи сдачи в плен целыми ротами в конце ноября 1914 г. отмечал главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н. В. Рузский[32].

С отступлением русских войск из Галиции, Польши и Восточной Пруссии в результате весенне-летней кампании 1915 г. к августу огненный смерч войны докатился до Беларуси. Фронт стабилизировался по линии от Рижского залива до устья Дуная. На территории Беларуси по линии Двинск – Сморгонь – Барановичи – Пинск дислоцировались войска Западного фронта. Четверть территории была оккупирована германскими войсками.

Отступление русских войск и перенесение военных действий на территорию Беларуси нанесли огромный ущерб ее народному хозяйству. В 1915 г. в связи с наступлением германских войск были эвакуированы в глубь империи 432 фабрично-заводских предприятия. До конца того же года на не оккупированной части Беларуси осталось только 139 таких предприятий, большинство из которых работало с перебоями и выполняло в основном военные заказы для фронта. Кроме того, военным ведомством тут был открыт ряд новых предприятий по производству обмундирования, ремонту вооружения и военной техники. В результате сильно сократилось производство товаров широкого потребления.

Военное положение Беларуси, захват противником части территории особенно отрицательно отразились на сельском хозяйстве. Потеря территории, массовые мобилизации мужчин, реквизиции лошадей для нужд армии лишили деревню основных рабочих рук и тягловой силы, привели к сокращению посевов продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью собран. Посевы озимых культур в значительной части уничтожались передвижением войск, волной беженцев, прогоном военных гуртов скота.

Тяжким бременем для сельских жителей прифронтовых губерний являлись военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытье окопов и т. д., часто требовавшие многодневного участия в них сотен и тысяч трудоспособных мужчин и женщин вместе с гужевым транспортом.

Так, летом 1915 г., в самый разгар полевых работ, только в Гродненском уезде из 17 490 трудоспособных мужчин на военно-инженерных работах в Гродненской крепости, охране железнодорожных линий, других казенных работах, по неполным данным, одновременно было занято свыше 10 тысяч человек и около тысячи подвод. В июле волковысскому уездному исправнику было предписано «немедленно отправить на военные работы 400 рабочих»[33]. У минского губернатора военные власти требовали для строительства подъездов к мосту через Березину в Бобруйске 400 рабочих и 200 подвод сроком на четыре недели. В

---

[29] Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 − – февраль 1917 г. М., 1966. С. 86, 141, 154.

[30] Суряев В. Н. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы первой мировой войны (июль 1914 − – март 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. Минск, 1991. С. 151.

[31] РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 32.

[32] РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 44.

[33] Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47–48; Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). Минск, 1953. Т. 3. С. 821–822.

Новогрудском уезде, по сообщению уездного исправника минскому губернатору, «оставшееся население не занятой неприятелем части уезда было почти все занято исключительно работами по укреплению позиций»[34]. Таким положение было повсеместно в прифронтовой полосе.

Тягостное впечатление на солдат действующей армии производили двигавшиеся на восток из мест военных действий – Польши, Литвы и Западной Беларуси – огромные массы беженцев, переполняя города и местечки не оккупированной части Беларуси. К осени 1915 г. только на территории Минской губернии скопилось до 120 тысяч беженцев[35], в Гомеле и окрестностях – около 300 тысяч, в Витебске – более 90 тысяч[36]. Не имевшие средств к существованию беженцы являлись тяжелым бременем для местных жителей. Военные и гражданские власти, чтобы облегчить участь несчастных людей, предотвратить распространение эпидемических заболеваний, делали попытки эвакуировать беженцев в более благополучные восточные губернии. Однако из-за разрухи на транспорте и отсутствия необходимых средств это не всегда удавалось.

Население не оккупированной части Беларуси, испытывая также все тяготы войны, делилось с беженцами съестными припасами, фуражом, одеждой и обувью, предоставляло кров. «Самое участливое, гуманное отношение к беженцам» жителей Минской, Витебской, Смоленской и Псковской губерний отмечала в своих сводках военная цензура[37]. Однако оказать помощь всем было невозможно. Свыше 35 тысяч беженцев находились под открытым небом в лесах и на полях в районе железнодорожных станций Койданово, Столбцы и Городея, от 20 до 40 тысяч человек находились в имении Хмельники около Бобруйска, до 64 тысяч – в районе Речицы, в других местах. В условиях голода, холода, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи беженцы ежедневно десятками умирали. Кроме того, таборы и обозы беженцев часто подвергались артиллерийским обстрелам и бомбежкам авиации противника, несли потери.

Характерно, что до конца 1915 г., как свидетельствуют сводки армий и фронта о настроении войск, составленные по данным военной цензуры, в войсках не замечалось упадка морального духа солдат в связи с неудачами в боях и отступлением. Последнее, как правило, командованием объяснялось стратегической необходимостью. Стабилизация фронта, появившаяся возможность для отдыха, поступление в части и соединения новых хорошо экипированных пополнений, активный подвоз снарядов и оружия вызвали в войсках фронта, по словам тех же сводок, «бодрое настроение», «веру в победу» над врагом. Несколько пониженное от усталости, тягот и лишений фронтовой службы настроение наблюдалось у солдат старших возрастов[38]. Отмечались отдельные жалобы на недостаток теплой одежды и сапог, чаще – на недостаток фуража.

Удручающее влияние на моральное состояние солдат Западного фронта оказывало бедственное положение беженцев. Как сообщали военные цензоры в сводке за октябрь, в частях войск было замечено, что «стихийная волна беженцев производила на войска огромное и тягостное впечатление». Положение еще больше усугублялось доходившими до солдат сообщениями из писем от родных о вызванных «наплывом беженцев во внутренние губернии империи, дороговизне жизни и повышенной заболеваемости местного населения».

В 1915 г. русская армия потерпела ряд поражений и понесла очень большие потери, вынуждена была отступить по всему фронту, но, как свидетельствуют сводки и признания

---

[34] Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). С. 791.

[35] Там же. С. 813–814.

[36] Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 40.

[37] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 20.

[38] Там же. Л. 20, 22, 23, 27.

генералов, «морально армия не была сломлена»[39]. «Офицерский состав в своих письмах», сообщала военная цензура, также отзывался о солдатах с хорошей стороны, отмечая их «заметный подъем духа и уверенность в победе»[40]. «Все неудачи 1915 г. объяснялись исключительно недостатками материальной части. Армия, приведенная в порядок, пополненная и снабженная боевыми припасами, верила в себя, была уверена в победе над врагом», – писал генерал А. С. Лукомский[41]. К этому следует добавить еще недооценку Верховным командованием сил противника, его неумение управлять войсками, которые привели к огромным территориальным потерям и в живой силе.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) все больше понимало необходимость согласованных военных действий. С этой целью дважды (в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г.) в Шантильи, в ставке французского главнокомандования, состоялись межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Представители главнокомандований стран Антанты договорились оказывать помощь той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза.

Предреволюционный 1916 г. был начат активными военными действиями германцев против французов. 21 февраля германские войска начали наступление против Вердена и потеснили французские войска. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке передал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву письмо от Верховного командования французской армии, в котором оно требовало от русских перейти в наступление и оттянуть часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армией 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами, на котором было принято решение о проведении военной операции на стыке Западного и Северного фронтов (район озер Вишневское – Нарочь – г. Поставы). К этому побуждали перевес в этом районе сил над противником и наиболее выгодная конфигурация фронта.

Командованием Западного фронта главная задача в операции была возложена на занимавшие тут позиции войска 2-й армии (командующий генерал В. В. Смирнов, начальник штаба генерал Ставров). С этой целью более чем в два раза был увеличен ее состав, который к моменту наступления насчитывал 10 корпусов, в том числе один кавалерийский, Уральскую казачью дивизию и отдельную кавалерийскую бригаду, общей численностью свыше 400 тысяч штыков и сабель. На вооружении войск находились значительные наступательные средства – 605 легких артиллерийских пушек, 168 тяжелых. Кроме того, в ходе операции на укрепление армии были переданы 114 пушек тяжелых артиллерийских дивизионов, что обеспечивало перевес над противником тяжелой артиллерии почти в два раза. В два раза перевес русских над германцами был также в саблях и почти в пять раз в штыках.

Ранним утром 18 марта по приказу Верховного главнокомандующего – царя Николая II, войска 2-й армии начали военные действия, не успев к ним полностью подготовиться. В течение двухнедельных боев, сопровождавшихся яростными атаками, русские войска не смогли достигнуть намеченного рубежа, понеся огромные потери – 1018 офицеров и 77 427 солдат – почти четверть личного состава 2-й армии, который был накануне Нарочской операции. Кроме того, были большие материальные потери.

---

[39] Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

[40] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 23.

[41] Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

Основными причинами неудач являлись поспешность проведения операции, до завершения полной подготовки к ней (не хватало снарядов, особенно для тяжелой артиллерии, винтовок и шанцевого инструмента), в неподходящий момент по времени (наступавшая весна) и неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустами и лесами), а также неумелое управление войсками.

Большими потерями солдат русской армии, понесенными в Нарочской операции, были спасены французы от разгрома и, возможно, Париж от захвата германцами, так как последние с самого начала операции были серьезно встревожены активностью русских на этом участке фронта. В течение всей операции германское командование вынуждено было подбрасывать сюда подкрепления.

Огромной потерей для войск в результате Нарочской операции явилось падение их морально-боевого духа. Солдаты, испытавшие тяготы и лишения наступательных действий, видевшие бессмысленную гибель множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленных необеспеченностью наступавших боевыми средствами, бестолковостью распоряжений и приказов высшего командования, скрыто выражали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, на что неоднократно указывала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор отмечал «угнетенные письма», в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на большое количество у противника пулеметов и артиллерии»[42]. В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав попадались выражения неудовлетворения, якобы плохим руководством здесь боем, а также намеки на какое-то, будто бы имевшее тут место, предательство»[43].

Уже через две недели после Нарочской операции объединенное командование англо-французских войск, ссылаясь на принятые 12 марта 1916 г. на межсоюзнической конференции в Шантильи решения о координации военных действий, просило Верховное командование русской армии ускорить подготовку очередного наступления.

В связи с этим 14 апреля 1916 г. на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве под председательством Николая II обсуждался план будущей операции. Согласно плану, войска Западного фронта должны были нанести главный удар из района Молодечно в направлении Вильно. Войскам соседних – Северного и Юго-Западного – фронтов отводилась вспомогательная роль. Однако главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт, ссылаясь на слабую подготовку войск, отложил наступление. Только 15 июня силами гренадерского корпуса была сделана неудачная атака в направлении Баранович. Это дало генералу Эверту основание потребовать отложить наступление и дать время на его подготовку.

Неудачным было и наступление 3 июля, которое привело к большим потерям. Оно не оказало никакого влияния на наступательные действия войск Юго-Западного фронта, которые в это время осуществляли знаменитый Брусиловский прорыв и нуждались в поддержке. За девять дней боев под Барановичами 4-я армия Западного фронта потеряла убитыми, ранеными и пленными около 80 тысяч солдат и офицеров[44]. Неудачные, с большими потерями наступления войск 4-й армии оказали отрицательное влияние на настроение солдатских масс. «Неудача операции лета 1916 г. (к ней относились и наступления войск 4-й армии в Барановичском направлении. – *М. С.*), по признанию генерала А. С. Лукомского,

[42] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

[43] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 118.

[44] Там же. Д. 295. Л. 537; Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг. С. 178.

имела своим последствием не только то, что этим затягивалась вся кампания, но кровопролитные бои этого периода очень дурно отразились на моральном состоянии войск»[45].

Уже в начале 1916 г. солдатам стало ясно, что война затянется на неопределенный срок. Как свидетельствуют сводки военной цензуры, уже в апреле в письмах солдаты «мир нередко приурочивали к поздней осени, но высказывалось мнение, что война продлится еще год и более»[46]. Однако настроение солдат, по словам военных цензоров, «продолжало оставаться бодрым, в ожидании скорых и решительных боев», заметно было «стремление довести войну до полной победы над врагом».

Несколько иным, по сведениям военной цензуры, было положение в тылу. Давая характеристику поступавшей из империи на фронт корреспонденции, военные цензоры отмечали сообщения в письмах о понизившемся настроении в Петрограде, откуда «больше всего писали о влиянии немецкой партии», а отставка военного министра В. А. Сухомлинова «явилась лишним поводом к мрачным предположениям». Кроме того, отмечались «жалобы на дороговизну», отсутствие предметов первой необходимости, что ложилось «тяжелым бременем не только на сельское и рабочее население, но и на более зажиточные слои и озлобляли население», на «притеснения со стороны местных властей». В одном из писем, задержанных цензурой, «утверждалось, что в тылу очень ярко выражается ропот и даже возмущение по поводу так долго затянувшейся войны»[47].

Следует сказать, что и в войсках фронта, судя по сообщениям военной цензуры, не остались без внимания и нашли отражение в письмах недостаток обмундирования и сапог, замена последних лаптями, в отдельных соединениях невыдача сахара, хлеба, уменьшение порций мяса, а затем замена мяса рыбой. Последнее обстоятельство, как отмечалось в сводке за май, «вызвало многочисленные жалобы из разных частей фронта»[48].

Между тем продолжавшаяся война требовала все новых материальных затрат и еще больших людских пополнений. Так, если в 1915 г. было мобилизовано в войска более 4 миллионов человек, то в 1916 г. – около 5 миллионов призывников[49]. Только из белорусских губерний к осени 1917 г. было мобилизовано 634 400 человек[50].

Все новые и новые массовые мобилизации обескровливали тыл, приводили в упадок производительные силы страны, особенно сельское хозяйство. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (фронт мобилизовал более 2,5 миллиона лошадей) в 1916 г. произошло значительное сокращение посевных площадей основных производственных культур, а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Все это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота, в конечном счете разорению белорусской деревни.

В прифронтовых губерниях Беларуси, переполненных воинскими частями и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз продовольствия. Достаточно сказать, что для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре – ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211[51].

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погру-

---

[45] Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

[46] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

[47] Там же. Л. 117.

[48] Там же. Л. 135

[49] Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 47.

[50] Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47.

[51] Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64

жено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре – только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живем ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение… Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно», – заявлял на совещании в Ставке в Могилеве 17–18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт[52].

Однако, несмотря на такие тревожные сигналы, положение со снабжением войск продовольствием все ухудшалось, приближаясь к кризисному. Начальник этапно-хозяйственного отдела 3-й армии в телеграмме от 3 февраля 1917 г. главному начальнику снабжения армий Западного фронта с тревогой сообщал, что «за последнее время мяса прибывает только 25 % суточной потребности. Подвоза скота тоже нет. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня армия окажется в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом». В заключение он просил принять срочные меры[53].

Ответ на телеграмму не обнадеживал. Главный начальник снабжения армий фронта генерал Немов констатировал: «Подвоз мяса и скота из империи крайне неудовлетворителен… Главное затруднение в перевозке. У вас 30 000 пудов рыбы, которую пока и расходуйте». Кроме того, «по крайней нужде» он предлагал реквизировать у населения[54].

В начале 1917 г. на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Генерал Немов, 22 февраля с тревогой сообщая главнокомандующему фронтом Эверту о том, что «некоторые войсковые части давно уже едят только рыбу, за недостатком мяса и жиров», добавлял при этом: «Вместо крупы войска получают чечевицу, а в последнее время вместо полной дачи хлеба – сухари». Недопоставлялись чай, сахар, сушеные овощи[55]. «Систематический недовоз на фронт продовольственных продуктов, – констатировал в очередном донесении в первых числах марта 1917 г. главный начальник снабжения армий Западного фронта главнокомандующему фронтом, – довел запасы базисных магазинов до крайнего истощения. Если в ближайшее время не будет усилен подвоз, то войска вынуждены будут расходовать неприкосновенные запасы, так как в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти уже нет»[56].

Командование делало попытки восполнять недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Например, командующий 3-й армией 16 февраля отдал приказ производить реквизицию скота на мясо у земств Могилевской губернии. Следует отметить, что местное население, особенно в городах, голодало не меньше, чем на фронте. Например, в начале 1917 г. выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов не оккупированной части Беларуси сократилась до минимума и составляла в Минске 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки[57]. В Беларуси, как и в крупнейших промышленных центрах страны – Петрограде, Москве, других городах, разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

Местное население, прежде всего крестьянство, в основном сознательно относилось к выполнению предъявленной при реквизиции разверстке. Например, собравшиеся в конце декабря 1916 г. на волостной сход крестьяне Стояновской волости Минского уезда, выслушав предъявленное на основании постановления министра земледелия к ним требование «о поставке за установленную плату 306 пудов ржи на потребности, связанные с обороной»,

[52] Цит. по: Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С. 20.

[53] РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.

[54] Там же.

[55] Там же. Л. 6, 22.

[56] РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 35.

[57] Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.

приняли решение «собрать указанное количество ржи и пожертвовать для нужд армии»[58]. Командование в специальном приказе выразило благодарность крестьянам.

Затем приняло решение напечатать приказ в газетах, чтобы этот «похвальный поступок крестьян сделать известным» во всех губерниях прифронтовой полосы Западного фронта»[59].

Однако к началу 1917 г. у крестьян прифронтовых губерний Беларуси излишков хлеба не осталось и реквизировать было почти нечего. Так, по словам доклада губернатора Минской губернии, пытавшегося защитить крестьян от «реквизиции части запасов хлеба», сельское население могло остаться «необеспеченным хлебом и семенами, как в текущем году, так и в последующие годы»[60]. Реквизировать же, согласно приказу главнокомандующего фронтом, разрешалось «только излишек сверхнеобходимого количества для годового прокормления и обсеменения полей».

Не менее сложным в войсках фронта в конце 1916 – начале 1917 г. было положение с фуражом, недостаток которого стал проявляться и нарастать еще с начала 1916 г[61]. В середине ноября 1916 г. главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт приказал взамен недостающего зернового фуража для лошадей увеличить дачу сена. Однако вскоре, по словам доклада главного интенданта, «окончательно выяснилась полная невозможность подать на фронт потребное количество сена или соломы – всего в сутки 1100 вагонов, вследствие затруднений в заготовке и доставки его на фронт из-за неблагоприятных условий железнодорожного транспорта»[62]. В создавшейся ситуации начальник штаба Верховного главнокомандующего отдал приказ: из интендантских складов выдавать меньше половины «фуражной дачи», а остальную часть «заготавливать собственным попечением войск», то есть путем реквизиций[63].

Одновременно с продолжением войны, с ухудшением снабжения войск и в прямой зависимости от этого наблюдалось падение морально-политического настроения солдат. Чем хуже было положение на фронте, тем громче в войсках говорили о поголовном засилье в штабах шпионов, измене и «немецком засилье». Первые «жалобы на недостаток фуража для лошадей», на «крайнее утомление войной и неуверенность», «пожелания поскорее окончить войну и возвратиться к себе домой» отмечали военные цензоры в письмах солдат Западного фронта за октябрь 1915 г[64]. Письма с «угнетенным настроением» составляли 0,7 % от всех просмотренных цензурой.

В последующем количество таких писем возрастало и составляло за декабрь 1915 г. – 2,15 %, за январь 1916 г. – 4,0 %, за март – 4,1 % от количества просмотренных писем[65].

Угнетенное состояние солдат нарастало в связи со все возраставшими проблемами быта как самих фронтовиков, так и их семей, оставшихся в тылу без мужской рабочей силы. С конца 1915 г. в письмах на фронт все чаще с тревогой сообщали о возраставшей дороговизне жизни, недостатке рабочих рук, об отсутствии предметов первой необходимости, о спекуляции торговцев и т. д. Такие сообщения для солдат, по заключению военной цензуры, становились «главным предметом озабоченности»[66], вызывали их участливое отношение,

[58] РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 27.

[59] Там же. Л. 27, 30.

[60] РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

[61] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 57.

[62] Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

[63] Там же.

[64] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 26.

[65] Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 22, 50, 57, 97.

[66] Там же. Л. 20.

интерес к «чисто семейным проблемам: об урожае, о земле, о пайках и другим, касающимся крестьянской жизни»[67].

Верховное командование было озабочено проявившимися симптомами отрицательного влияния неблагополучного положения в тылу на солдатские массы фронта. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, ознакомившись с представленным ему военными цензорами заключением о настроении войск за январь 1916 г., составленным на основании «посылаемых и получаемых нижними чинами действующей армии писем», обратился с секретным письмом к председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру, в котором информировал его о «тревожных теневых настроениях» в тылу на почве «дороговизны продуктов первой необходимости» и «спекуляции торговцев», обращал внимание на «необходимость решительной борьбы с явлением вздорожания жизни, отражающимся столь неблагоприятно и в настроении армии»[68].

На почве необеспеченности, тягот и лишений, испытываемыми солдатами на фронте и их семьями в тылу, нарастали недовольство существующим государственным строем, его внутренней и внешней политикой, желание заключения мира. Это послужило основой для подпольной политической пропаганды в войсках политических партий. В сводке за декабрь 1915 г. военный цензор Западного фронта отмечал: «Попадается много писем, из которых видно, что в последнее время кем-то распространяется между нижними чинами слух о скором заключении мира»[69].

Письма на фронт, с «признаками умышленной пропаганды», были задержаны военной цензурой и в марте 1916 г[70].

С 1915 г. усилился поток подпольных изданий в войска. Большевики использовали с целью доставки на фронт литературы различные кружки, занимавшиеся сбором и отправкой подарков солдатам, вкладывая и зашивая в отправляемые вещи листовки. Воззвания и прокламации переправлялись в войска в посылках, в ящиках с двойным дном, в подкладках и поясах одежды, в кисетах с табаком и т. д[71].

Опорой большевиков в войсках по проведению агитационной пропаганды являлись мобилизованные на фронт за революционную деятельность и участие в забастовках фабрично-заводские рабочие. Поняв, какую опасность они представляют для армии, начальник штаба Верховного главнокомандующего уже в конце мая 1915 г. отдал приказ «воспретить пребывание среди войск на театре военных действий лиц, политическая благонадежность коих весьма сомнительна, и немедленно изъять их из армии»[72].

Однако этих мер для предотвращения разложения армии было недостаточно. На смену удаленным и арестованным за политическую пропаганду в составе пополнений прибывали новые агитаторы. «Укомплектования, прибывшие к концу лета 1916 г. из запасных батальонов, по своим моральным качествам, были много хуже всех предыдущих, – признавал в воспоминаниях генерал А. С. Лукомский, – ясно чувствовалось, что в тылу в запасных батальонах начинается пропаганда против продолжения войны»[73].

Активной формой антивоенного движения становился отказ солдат и целых подразделений от наступательных действий. «К осени 1916 г. и в некоторых корпусах, бывших на фронте, были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны, было

---

[67] Там же. Л. 22.

[68] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

[69] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 50.

[70] Там же. Л. 97.

[71] Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. С. 51.

[72] Там же. С. 93.

[73] Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

несколько случаев неисполнения отдельными ротами и батальонами боевых приказов», – вспоминал позже генерал А. С. Лукомский[74]. На Западном фронте осенью 1916 г. отказались идти в наступление дивизии 9-го армейского корпуса 2-й армии, а 1-я гренадерская дивизия гренадерского корпуса их активно поддержала[75]. Отказалась идти в атаку 2-я стрелковая дивизия, занимавшая позиции под Барановичами[76].

Новой формой антивоенных выступлений было братание солдат русской армии с солдатами противника. Начавшись в конце 1915 г. на Юго-Западном фронте, в 1916 г. оно распространилось на другие фронты. На Западном фронте братание имело место в 70-й артиллерийской бригаде и некоторых других частях. Оно носило неорганизованный характер и сводилось к встрече в межокопной полосе в основном с целью меновой торговли предметами солдатского быта. Во всех случаях братания жестоко преследовались командованием – братавшиеся разгонялись ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, сурово наказывались, вплоть до суда и расстрела.

Антивоенное движение солдат сопровождалось резким падением воинской дисциплины, ростом числа неповиновений командному составу, все большим углублением пропасти во взаимоотношениях солдат с офицерами.

Офицерство в большинстве своем было воспитано на традициях и в духе глубокого патриотизма, преданности Отечеству, уважения и беспрекословного исполнения требований воинских уставов. Офицеры также не хотели войны. Однако они ясно сознавали: если агрессор поднял меч и война началась, то ее надо вести до победы, так как поражение привело бы к территориальным потерям, политическому упадку, экономическому порабощению страны. Из этого упрощенного, но полного глубокого жизненного смысла и национального самосознания понимания и исходило отношение подавляющего большинства офицеров к войне[77].

Следует отметить, что офицерство в ходе Первой мировой войны претерпело значительные изменения. Кадровые офицеры в ходе военных сражений в большинстве были убиты. Поступавшие офицерские пополнения из мобилизованных студентов высших учебных заведений, представителей разночинной молодежи не всегда отвечали тем требованиям, которые им предъявляла суровая военная обстановка. Слабость офицерских пополнений признавали все – от командного состава до рядового солдата. Последние особенно часто затрагивали этот вопрос в письмах. «По-прежнему попадались резко отрицательные отзывы о вновь выпущенных офицерах», – сообщала одна из сводок военной цензуры о настроении в армиях Западного фронта за март 1916 г[78].

Таким образом, начавшийся процесс разложения русской армии коснулся основных ее составляющих – офицерской корпорации и солдатских масс. На фронте и в тылу солдаты все чаще отказывались повиноваться офицерам, исполнять приказы командования, оказывали сопротивление применению против провинившихся унижающих человеческое достоинство наказаний, убивали наиболее ненавистных командиров.

Такие случаи в 1915–1916 гг. имели место в Минске, Витебске, Бобруйске, дважды в Барановичах, Борисове и Рогачеве[79]. Причем происходило сближение солдатского движения с выступлениями рабочих и крестьян в тылу.

В конце 1916 г. антивоенные и антиправительственные выступления отличались массовым участием в них солдат. Крупные волнения солдат произошли в прифронтовой полосе:

---

[74] Там же.

[75] В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957. С. 292.

[76] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 227.

[77] См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—−сентябрь 1917 г. С. 89.

[78] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

[79] См.: Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 г.). Минск, 1981. С. 136.

25–26 октября 1916 г. в Кременчуге с участием свыше 6 тысяч солдат, в ноябре в Жмеринке – около 5 тысяч человек. 22 и 26 октября произошли волнения солдат на распределительном пункте в Гомеле, в которых приняли участие до 4 тысяч человек. Волнения солдат были жестоко подавлены карательными отрядами и регулярными частями действующей армии. Наиболее активные участники выступлений были преданы военно-полевому суду. В Гомеле 9 человек были расстреляны, 7 – отправлены на каторгу[80].

Ставка Верховного командования в Могилеве увидела в этих волнениях солдат падение дисциплины и потребовала от командующих фронтами в подобных случаях «действовать решительно, без всяких послаблений, пресекая в корне оружием всякую попытку колебания дисциплины», немедленно предавая зачинщиков полевому суду[81].

Однако никакие репрессии уже не могли остановить нараставший процесс разложения русской армии – главной опоры самодержавной власти. Это видел и признавал сам генералитет. Так, прибывший с фронта в Петроград в начале 1917 г. генерал А. М. Крымов заявил председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, что благодаря плохому управлению войсками, назначению на высшие посты бездарных генералов и поэтому в немалой степени проигранным сражениям «в солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще, и к начальству в частности; таким образом, армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок»[82]. К подобному выводу пришла и правительственная комиссия после обследования войск Северного и Западного фронтов: «армия не верит в победу», среди солдат «нарастает желание скорее окончить войну», отношение офицеров к правительству «самое отрицательное», «солдаты же видят в его деятельности одну измену и предательство»[83].

Уже с осени 1914 г. русская армия стала испытывать недостаток вооружения, особенно тяжелой артиллерии, артиллерийских снарядов и винтовок. По причине слабого вооружения, зависимости Верховного командования от союзников, а также плохого управления войсками русская армия терпела одно поражение за другим, несла большие потери, отступала вглубь страны. С 1915 г., наряду с нехваткой вооружения, стали проявляться первые симптомы недостатка обмундирования, особенно в зимнее время теплой одежды, сапог, а с 1916 г. – продовольствия и фуража. С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, испытывали голод и холод, достигшие к 1917 г. критической черты. В этих условиях с конца 1915 г. стал падать морально-политический и боевой дух солдат, наиболее ярко проявились антивоенные настроения, неповиновение солдат командно-офицерскому составу, рост недовольства существовавшей властью в стране. В итоге армия стала мощной оппозицией самодержавию и в февральские дни 1917 г. перешла на сторону восставшего народа.

---

[80] Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1973. С. 369.

[81] Там же.

[82] Цит. по: Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 27.

[83] Там же.

Глава 2
Февральская революция и Западный фронт. Установление двоевластия

2.1. Влияние Февральской революции на морально-политическое состояние армий Западного фронта

27 февраля 1917 г. в России победила Февральская буржуазно-демократическая революция. Решающим условием победы был переход армии на сторону революционного народа. В этот же день из представителей буржуазных партий было сформировано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. В его состав вошли семь кадетов (А. А. Мануилов, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев и др.), два октябриста (Г. Е. Львов и А. И. Гучков), по одному представителю от партий прогрессистов, Центра и трудовиков и один беспартийный. Почти одновременно представители партий революционной демократии, а также кооперативного и профсоюзного движений, депутаты Государственной Думы создали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – орган революционно-демократической власти. Образовалось двоевластие.

Начавшись в центре России, Февральская революция быстро распространилась по всей стране. Вслед за Петроградом по аналогии двоевластие устанавливалось на местах: наряду с органами буржуазного Временного правительства создавались Советы. В Минске сообщение о свержении самодержавия было получено 28 февраля, в Витебске, Могилеве и Гомеле стало известно о победившей революции 1 марта 1917 г. Как и в целом по Российской империи, в городах и местечках Беларуси наряду с правительственными органами власти, создавались революционно-демократические – Советы. Уже в первой половине марта Советы были созданы в Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Борисове, Мозыре, Молодечно, Мстиславле. Несколько позже – в Могилеве, Городке, Докшицах, Дриссе, Лепеле, Калинковичах, Речице, Рогачеве, Слуцке и других местах[84].

На Западном фронте о победе Февральской революции стало известно позже. Командование фронтом, опасаясь влияния революционных событий на боеспособность войск, пыталось скрыть от солдат известие о победе революции. Более того, монархически настроенные генералы во главе с главнокомандующим фронтом генералом А. Е. Эвертом надеялись на подавление революции и пытались оказать в этом свое содействие, направив по требованию начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева наиболее преданные царю части с фронта.

Однако сведения о революции проникали на фронт по неофициальным каналам: из поступавших писем, от возвращавшихся в части отпускников, проезжавших пассажиров и т. д. Поняв, что победа революции – свершившийся и необратимый факт, генерал М. В. Алексеев 2 марта 1917 г. разрешил главнокомандующим фронтами огласить войскам «те заявления, которые успокаивают армию»[85].

Командование фронтом проявляло осторожность при осведомлении войск о революции и внутриполитическом положении в стране. Командирам корпусов было рекомендовано содержание телеграмм о положении в стране передать начальникам дивизий для личного

[84] Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). С. 15–20.

[85] Красный архив. 1927. № 2. С. 64.

сведения и осведомления командиров полков. Последним предписывалось «постепенно, в удобной форме и в удобное время» при содействии старших офицеров разъяснять солдатам «существующее положение в стране и указывать, как к этому должна относиться армия». Разъяснение рекомендовалось проводить по подразделениям и в разное время, «дабы не привлекать к этому всеобщего внимания и не подчеркивать создавшегося положения»[86]. Доведение до войск воззваний Временного правительства и Государственной Думы, манифестов об отречении от престола царя Николая II и его брата Михаила осуществлялось перед строем как отдельных войсковых подразделений, так и целых гарнизонов, возглавлявшими их командирами и начальниками. Разъяснение указанных документов и политических событий в стране, как правило, завершалось призывом к войскам сохранять спокойствие, крепить дисциплину и боеспособность перед лицом внешнего врага.

Весть о победе Февральской революции солдаты и демократически настроенные офицеры встретили с большой радостью. Они связывали с ней надежды на большие перемены в политической и социально-экономической жизни страны: прекращение войны, решение вопроса о земле, установление социального равенства, отмену или ограничение произвола начальников.

Верховное командование и командование фронтов в первое время после революции пытались не допустить распространения произошедших политических и демократических перемен в стране и на армию. Они связывали с этим неминуемое падение дисциплины, боеспособности войск, последующее разложение армии, что в условиях войны считали гибельным для России. «Пусть провозглашенные принципы свободы, близкие нашему сердцу, не коснутся нас, как военных, – призывал войска в своем приказе командующий 10-й армией генерал В. М. Горбатовский и заключал: – Армия должна оставаться армией»[87].

Ставка Верховного главнокомандующего и Временное правительство с тревогой ожидали как войска и население воспримут манифесты об отречении от царского престола. Командующий 10-й армией уже 4 марта приказал командирам корпусов и начальникам дивизий «с полной откровенностью» доносить об этом[88].

Генерал М. В. Алексеев просил главнокомандующих фронтами «срочно сообщить … какое впечатление на армию произвели манифесты», добавляя при этом, что «правительство очень ожидает сообщения об отношении действующей армии к совершившемуся…»[89]

Из наспех составленных донесений командиров корпусов, обобщенных командующими армиями и направленных через штаб фронта Верховному главнокомандующему, следует, что на Западном фронте весть о свержении царского самодержавия была встречена в основном «спокойно», «сдержанно»[90].

Однако в действительности отношение войск к совершившемуся перевороту не было однозначным, а представленные сведения не были полными. Так, в Сибирском корпусе 2-й армии, по словам его командира, к моменту представления сведений «отношение солдат еще не успело вылиться в определенную форму». Окончательно оно не определилось в гренадерском корпусе. Неполными были сведения из 9-го армейского корпуса[91]. Не одинаковым было отношение к объявленным манифестам дивизий 10-го армейского корпуса: если в 112-

[86] РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 21.

[87] РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 38.

[88] Там же. Л. 37.

[89] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 25.

[90] Там же. Л. 13–20.

[91] Там же. Л. 14–15.

й пехотной – «спокойное и большей частью сознательное», то в Сибирской казачьей «манифесты произвели угнетающее впечатление»[92].

Отрицательную реакцию офицерства фронта вызвало имевшее место в дни революции насилие над офицерами в тылу. «Офицерство в большей, и притом в своей лучшей части глубоко возмущено допущенным отношением к нему толпы Петрограда, Москвы и других городов», – сообщал в своей телеграмме в штаб Западного фронта командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов[93]. Об устранении солдатским комитетом начальника бригады и избрании на эту должность нового сообщалось в телеграмме из Калуги[94].

Командование Западного фронта болезненно реагировало на эти и другие подобные факты. Оно увидело в них начало разложения армии и с тревогой сообщало об этом в штаб Верховного главнокомандующего и Военное министерство. Получив телеграмму из Калуги, генерал А. Е. Эверт уже 4 марта телеграфировал о ней Военному министру, сделав заключение, что «такие факты при возможном их развитии приведут армию к полному разложению и она будет не в силах оказать сопотивление врагу». Главкозап считал «небходимым немедленное заявление правительства, что дисциплина и внутренний порядок в войсках должны поддерживаться согласно существующих уставов и что нарушители должны подлежать беспощадной каре по суду»[95]. О своем обращении к Военному министру генерал А. Е. Эверт информировал Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева и просил последнего поддержать его[96].

Тем временем революционные события развивались, все больше захватывая армию. На Западном фронте уже после получения первых вестей о революции солдаты совершили вооруженное насилие над командирами и офицерами, высказывавшими сожаление по самодержавному строю или отличавшимися строгостью к подчиненным. Такие факты имели место в 21-м пехотном Муромском полку 6-й пехотной дивизии, 673-м Прилукском, 674-м Золотоношском и 675-м Конотопском пехотных полках 169-й пехотной дивизии, 12-й полевой артиллерийской бригаде 3-й армии, 68-м Сибирском стрелковом полку 3-го Сибирского корпуса 2-й армии[97].

«Во вверенной мне армии были два случая ареста командиров частей горстью своих же солдат, недовольных строгостью начальников, а в одном случае немецкой фамилией начальника», – сообщал в штаб фронта 8 марта командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов. Командарм считал, что «эти случаи самоуправства должны быть пресекаемы самим законом в интересах государственной и военной дисциплины»[98].

Особую тревогу командования вызвало вмешательство в жизнь войск Петроградского и других Советов, обращавшихся к войскам как через телеграммы и воззвания, так и направлявших свои делегации с целью развития и углубления революции. Уже 4 марта главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский телеграфировал Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву о том, что из разных пунктов района дислокаций войск ему поступали донесения о появлении таких делегаций, распоряжениям которых подчинялись солдаты[99]. Их действия, по словам генерала, были в ущерб воинской дисциплине и авторитету начальников.

---

[92] Там же. Л. 18, 56.

[93] Там же. Д. 1755. Л. 27.

[94] Там же. Л. 101.

[95] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 101.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] Там же. Д. 1755. Л. 27.

[99] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 84–85.

Сообщая о телеграммах генералов А. Е. Эверта и Н. В. Рузского Военному министру, генерал М. В. Алексеев требовал «немедленных, самых энергичных правительственных мер» для искоренения случаев ареста, устранения делегатами военных начальников и избрания солдатами на их место новых, «дабы зараза разложения, начавшаяся в тылу, не перекинулась в армию и не привела ее к полной небоеспособности»[100]. Военный министр А. И. Гучков в ответ на обращение Верховного главнокомандующего генерала Алексеева телеграфировал, что для урегулирования «печальных случаев» арестов военных начальников «всевозможными делегациями и комитетами и выборов солдатами новых начальников принимаются меры»[101].

Верховный главнокомандующий, не дожидаясь защитных для фронта от революционной пропаганды мер правительства, предписал главнокомандующим фронтами принять самые решительные меры против проникновения в армии «преступного элемента», и «имея на узловых станциях достаточно крупные караулы», при появлении таких «шаек» «немедленно их захватывать и предавать…тут же на месте военно-полевому суду»[102].

Командование Западного фронта, получив указания Ставки Верховного главнокомандующего, создало заставы и дежурные подразделения из солдат и казаков на близлежащих к фронту железнодорожных станциях Вилейка, Молодечно, Кривичи, Уша, Осиповичи и др. Кроме того, был усилен контроль в частях и подразделениях с целью не допустить революционной пропаганды среди солдат. В результате принятых мер последовали аресты: в Полоцке было арестовано 17 делегатов Петроградского Совета, в Могилеве – 3 человека от Московского Совета, остальным удалось скрыться.

Однако эти и другие меры командования не допустить распространения революции на фронт, оградить солдат от идеологического влияния на них партий революционной демократии успеха не имели. Всколыхнувшийся вестью о революции полуторамиллионный фронт приходил в движение. «Совершившийся государственный переворот создал в первый момент небывалый подъем общественного настроения и жгучее желание разобраться во всей сложности переживаемого момента», – отмечалось в одной из сводок военно-цензурного отделения штаба Западного фронта[103].

События первых дней революции говорили о том, что время единодушия, проявленного почти всеми слоями российского населения при свержении самодержавного строя, прошло. Наступал период резкой дифференциации политических сил в вопросах революции.

Буржуазия была против углубления революционного процесса и ограничивала задачи революции созданием буржуазной парламентской республики. Основной задачей общества она считала консолидацию всех сил для успешного ведения войны до полной победы. В армии такой взгляд на революцию разделял генералитет и часть офицерского корпуса. Вот, например, как определил задачи революции генерал Н. В. Рузский в своем письме от 4 марта 1917 г. Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву: «В настоящее время, после опубликования манифестов, формирования ответственного министерства и вступления такового в управление государством, о чем все войска и население широко оповещены, нет больше почвы для внутренней борьбы и нарушений нормальной жизни страны»[104].

По-своему видели задачи революции партии революционной демократии, создавшие Советы рабочих и солдатских депутатов. Так, Петроградский Совет, возглавляемый меньшевиками и эсерами, ставил «своей основной задачей организацию народных сил на борьбу

---

[100] Там же. Л. 79.

[101] Там же. Д. 1755. Л. 75.

[102] Там же. Д. 1756. Л. 84.

[103] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 81.

[104] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 84.

за окончательное упрочение политической свободы и народного правления». Обращясь к населению страны, Совет призывал к доведению борьбы до конца в интересах демократии и для этого предлагал «создать свою, собственную властную организацию»[105]. Минский Совет приветствовал Временное правительство, но заявлял, что «рабочие и солдаты будут оказывать ему полную поддержку» лишь в том случае, если оно «будет неуклонно вести борьбу с приверженцами старой власти, охранять начала полной политической свободы для гражданского и военного населения, подготовлять созыв Учредительного собрания и установление демократической республики»[106].

Наиболее радикально настроенные силы – большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, имели свои задачи в революции. В манифесте РСДРП, с которым обратился «ко всем гражданам России» центральный орган этой партии, они в основном заключались в конфискации всех земель и передаче их народу, введении восьмичасового рабочего дня, созыве Учредительного собрания на основе прямого и тайного голосования, конфискации запасов, заготовленных прежним правительством для обеспечения продовольствием населения и армии, создании временного революцинного правительства, «немедленной и неотложной» задачей которого явилось бы обращение к пролетариату всех воюющих стран с призывом превратить империалистическую войну в гражданскую против царских правительств и капиталистов своих стран, прекратить мировую войну и др[107].

Отчетливо понимая, что успешное решение задач революции зависит от того, на чьей стороне окажется вооруженная сила – армия, все политические партии направили свои усилия на идейно-политическую пропаганду в войсках. Для этого они использовали периодическую печать, специальные листовки, делегирование своих представителей в части и подразделения. Наибольшим влиянием среди солдат в первые дни после революции пользовались вышедшие из подполья самые многочисленные партии эсеров и меньшевиков. Важную роль в росте их авторитета сыграл приказ № 1 возглавляемого лидерами этих партий Петроградского Совета, направленный на демократизацию армии.

Верховное командование, сделав попытки оградить армию от политической пропаганды, вскоре убедилось, что этот путь таит в себе еще большую угрозу – рост недоверия солдат к офицерам и выход их из повиновения своим начальникам.

Деятельность Временного правительства с самого начала зависела от Петроградского Совета. Сообщая об этом главнокомандующим фронтами, Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев призывал их «стать тоже на путь компромиссов»[108].

Таким образом, непримиримая позиция командования по отношению к Советам в начале марта 1917 г. несколько изменилась к середине месяца. Причиной этого была все возрастающая популярность Петроградского Совета, в адрес которого поступали многочисленные, в том числе и с Западного фронта, поздравления с победой революции, просьбы о проведении разъяснительной работы, об оказании организационной помощи и по другим вопросам. Кроме того, Совет пошел на сближение с Временным правительством и командованием, ограничив влияние приказа № 1 о демократизации армии, против которого особенно выступало командование, рамками Петроградского военного округа, а в принятом 14 марта воззвании «К народам всего мира» от имени русских рабочих и солдат заявил о готовности «стойко защищать свободу от всяких реакционных посягательств – как изнутри, так и извне»[109]. Все это дало понять Верховному командованию, что для обуздания сти-

[105] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 81.

[106] Там же. С. 91.

[107] Революционное движение в России после свержения самодержавия: Сб. док. М., 1957. С. 3–4.

[108] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 139. Л. 51.

[109] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 109–110.

хийного солдатского движения, удержания солдат на фронте против внешнего врага можно успешно использовать революционно-демократические органы, и прежде всего Петроградский Совет. Поэтому не случайно генерал М. В. Алексеев в телеграмме главнокомандующим фронтами прямо признавал, что Петроградский Совет «в известной части состоит из умеренных, понимающих положение элементов, признающих необходимость продолжения войны до победы, сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам»[110].

С первых дней революции непримиримую позицию к Временному правительству и непролетарским политическим партиям заняли только большевики. В телеграмме большевикам, возвращавшимся из эмиграции в Россию, вождь большевистской партии В. И. Ленин 6 марта 1917 г. просил их телеграфировать в Петроград: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству … никакого сближения с другими партиями». Бюро ЦК РСДРП(б) в принятой 9 марта резолюции о войне заявило, что продолжение войны новым Временным правительством преследует те же захватнические цели, что и свергнутое царское правительство, с той лишь разницей, что стремится для этого «использовать движение революционной демократии, в частности революционной армии». Бюро ЦК партии подтверждало прежние партийные решения об отношении к захватническим войнам и заявляло, что «основной задачей революционной социал-демократии по-прежнему является борьба за превращение… антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей – господствующих классов»[111]. Бюро ЦК РСДРП(б) считало это своей «неотложной и важнейшей задачей», для осуществления которой видело необходимым наладить связи с пролетариатом и революционной демократией воевавших стран для немедленного прекращения войны, проводить широкое и систематическое братание солдат на фронте, демократизацию армии на основе приказа № 1 Петроградского Совета, поддержать и усилить революционное движение народов против господствующих классов и их правительств во всех странах.

В заключение было заявлено, что революционная демократия станет защищать свободу от внешних врагов только тогда, когда завоюет эту свободу, и «только при революционной диктатуре пролетариата и крестьянства»[112].

Каждая из политических партий через призму своих взглядов на революцию стремилась создать представление о ней в массах. Через прессу, специально направляемых делегатов несли они сведения о революции и стоявших перед ней задачах и на Западный фронт. С этой целью в марте 1917 г. войска фронта посетили депутаты Государственной Думы члены партии кадетов Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко и Н. О. Янушкевич; более 20 депутатов Минской офицерско-солдатской комиссии, в основном меньшевики, бундовцы и эсеры, большевики Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев и С. Г. Могилевский. Все они, кроме большевиков, пропагандировали под лозунгами «Война до победного конца», «Защита свободы и революции»[113] и т. п.

Пропаганда политических партий, направленная на продолжение войны в защиту родины, свободы и революции, на поддержание в войсках дисциплины и боеспособности, соответствовала курсу Временного правительства и командования и имела свои результаты. Во многих частях и подразделениях, в том числе и Западного фронта, на общих собраниях и заседаниях войсковых комитетов были приняты резолюции в поддержку Временного правительства и проводимой им политики. Такие резолюции были приняты солдатами и офицерами 676-го пехотного Зеньковского полка 169-й пехотной дивизии, 73-й пехотной дивизии

[110] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

[111] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.

[112] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 28–29.

[113] РГВИА. Ф. 2635. Оп. 1. Д. 53. Л. 1; Русское слово. 1917. 24 марта.

10-й армии, полковым комитетом 7-го гренадерского Самогитского полка 2-й гренадерской дивизии 2-й армии[114] и некоторых других частей.

Резолюции с заявлением о полном доверии Временному правительству и доведении войны до победного конца были приняты на заседаниях офицерско-солдатских комитетов 1-й гренадерской дивизии 10-й армии, штаба 3-й армии, 7-й Сибирской стрелковой дивизии, 513-го Холмогорского и 515-го Пинежского пехотных полков 129-й пехотной дивизии, 5-й пехотной дивизии 2-й армии. С оборонческими резолюциями были направлены в Петроград и прибыли в Государственную Думу делегации от офицеров и солдат 15-го Тифлисского и 24-го Навтлугского гренадерских полков 2-го Кавказского корпуса 10-й армии[115].

Вызванный революцией морально-политический подъем в войсках командование фронта стремилось использовать в войне против внешнего врага. Командующий 10-й армией сообщал в Ставку, что вызванный революцией «подъем духа нужно осторожно взять в руки и направить в то русло, которое должно затем мощной лавиной обрушиться на внешнего врага»[116]. Главнокомандующий Западным фронтом, командующие армиями, командиры корпусов и другие начальствующие лица видели в революции средство успешного продолжения войны до победного конца. В своих приказах, распоряжениях и выступлениях они настойчиво проводили эту мысль.

Призыв правительства и командования к продолжению войны до победного конца был поддержан в войсках Западного фронта прежде всего офицерством. Рядовая солдатская масса вопринята этот лозунг не совсем однозначно. В полном составе поддерживали идею продолжения войны до полной победы казачьи и артиллерийские части. С меньшим энтузиазмом отнеслись к этому пехотные части и подразделения, которые все больше проникались настроением в лучшем случае «не пускать врага дальше», но не наступать. «Много речей произносится на тему, что революция – средство победы, и это создало много адептов ее среди офицеров», – писал в середине марта в Петроградский Совет прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии И. А. Кушин[117].

Принятые на общих собраниях частей и подразделений и заседаниях войсковых комитетов резолюции с заявлениями о полном доверии Временному правительству, о доведении войны до победного конца не всегда выражали общее настроение солдат. Об этом свидетельствовали с новой силой возобновившиеся с середины марта дизертирство – стихийная форма антивоенного движения солдат, а также братание солдат русской армии с солдатами противника.

Братанию предшествовал, как правило, обмен прокламациями путем подбрасывания их к проволочным заграждениям в виде листовок и больших плакатов. Причем инициатива в первое время исходила от солдат противника. Прокламации содержали информацию о революции в России, призывы к прекращению войны, пропаганду, направленную против союзников России – Англии и Франции, с целью раскола Антанты.

Командование русской армии боролось с этим явлением, применяя, наряду с разъяснительной пропагандой, и репрессивные меры. Из всех политических партий только большевики поддерживали братания солдат противоборствующих сторон, так как видели в них одну из форм антивоенного движения, а также считали их средством революционизирования солдат противника.

---

[114] РГВИА. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. 2900. Оп. 1. Д. 17. Л. 2; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 мая.

[115] Смольянинов М. М. На пути к Великому Октябрю. Минск, 1987. С. 34.

[116] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 41.

[117] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 10.

Вышедшие из подполья большевики в первые дни после революции были немногочисленны и разобщены. Их антивоенная пропаганда большого влияния на морально-политическое состояние войск еще не успела оказать. Однако провозглашенный ими лозунг «Долой войну!» стал широко известным в войсках и внес заметное смятение в сознание солдат Западного фронта. «Вопрос о войне фактически ставится уже жизнью. Читаются статьи, из которых узнают, что существует лозунг «Долой войну!» и т. п.», – писал в марте 1917 г. прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка И. А. Кушин в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов[118]. Антивоенные настроения солдат отмечали в своих сводках командование и военная цензура.

Таким образом, победа Февральской революции вызвала подъем морально-политического духа в войсках Западного фронта. Верховное командование и командование фронта, делавшие попытки не допустить распространения революции на фронт, вынуждены были уступить. Направив свои усилия на то, чтобы революционный подъем в войсках обратить против внешнего врага, они продолжавшуюся войну объявили войной в защиту революции и свободы. Для пропаганды под лозунгами «Война до победного конца», «Война в защиту революции» и другими на фронт были допущены агитаторы всех политических партий. Этим было положено начало политизации армейской жизни.

Победу Февральской революции в России в 1917 г., на наш взгляд, не следует оценивать однозначно. Свержение самодержавного строя, являвшегося тормозом общественного развития страны, предоставление демократических прав и политических свобод всем слоям населения было прогрессивным явлением. Однако в условиях войны, при низком образовательном и культурном уровне большинства населения политизация общества, и особенно армейской жизни, введение демократических начал во взаимоотношения между начальником и подчиненным, взгляд на эти отношения с классовых позиций подрывали дисциплину в войсках и их боеготовность, способствовали разложению русской армии.

[118] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 11.

2.2. Демократизация старой армии – основной фактор подрыва единоначалия командного состава

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, исходя из опыта революций в Европе середины XIX в., указывали на необходимость борьбы революционеров за демократизацию буржуазных армий как на одно из основных условий победы. Партии революционной демократии учитывали это требование в дни Февральской революции 1917 г. в России и после ее победы, направив свои усилия на демократизацию русской армии.

В. И. Ленин, идеями и указаниями которого руководствовались большевики, рассматривал борьбу за демократизацию старой армии как условие привлечения солдат на сторону пролетариата. Он указывал на необходимость лишить представителей эксплуататорских классов военной власти, ликвидировать их монополию на военные знания, разбить чиновничий аппарат. Пути решения этих вопросов В. И. Ленин видел в слиянии армии с народом, во введении выборности офицеров и чиновников, в отмене военной юстиции, в предоставлении солдатам гражданских прав[119].

Активное совместное участие в Февральской революции рабочих и солдат Петрограда создало для партий революционной демократии положительные предпосылки в борьбе за демократизацию старой армии. По почину и примеру рабочих Петрограда и солдат столичного гарнизона, создавших Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, во всех запасных частях и подразделениях Петроградского гарнизона были созданы солдатские комитеты – по сути вторая власть.

Чтобы узаконить и придать организованный и повсеместный характер процессу демократизации армии, представители партий революционной демократии в Петроградском Совете разработали и издали 1 марта 1917 г. приказ № 1, приведший впоследствии к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу, смене солдатами начальников. Приказ № 1, по признанию генерала А И. Деникина, дал «первый и главный толчок к развалу армии»[120].

Этим приказом предписывалось во всех частях и подразделениях «немедленно выбрать комитеты» из выборных представителей от солдат. В соответствии с приказом комитеты должны были взять в свое распоряжение и под контроль все виды оружия и вооружения и «ни в коем случае не выдавать офицерам, даже по их требованиям». В неслужебное время солдатам предоставлялись общегражданские и политические права, отменялось исполнение некоторых атрибутов воинской дисциплины, таких как вставание во фронт, отдание чести и т. п.[121] На Западном фронте вспышки неповиновения солдат своим начальникам, случаи отстранения ими от командования и аресты офицеров появились уже после получения первых вестей о революции. Такие факты имели место в 200-й рабочей дружине 3-го Сибирского корпуса 2-й армии, в 21-м пехотном Муромском полку 6-й пехотной дивизии, в 101-м транспорте 21-го обозного батальона 3-й армии, в 673, 674 и 675-м пехотных полках 169-й пехотной дивизии 10-й армии[122] и в других частях и подразделениях.

Поводом для незаконных действий солдат, как правило, являлись подозрения в приверженности начальника к старому государственному строю, попытки скрыть вести о револю-

---

[119] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 73.

[120] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 134.

[121] См.: Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 17–18.

[122] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1780. Л. 241; Ф. 2110. Оп. 1. Д. 847. Л. 45; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1601. Л. 92; Ф. 2277. Оп. 1. Д. 452. Л. 241, 675; Ф. 2635. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–3.

ции, строгость к подчиненным, имевшие место злоупотребления служебным положением и другие причины.

С целью узаконить действия солдат, придать им силу и организованный характер представители партий революционной демократии в войсках Западного фронта приступили к созданию демократических органов власти – войсковых комитетов. Например, в 12-м Туркестанском полку 7-й Туркестанской дивизии 2-й армии сочувствовавший большевикам командир батальона, подполковник В. В. Каменщиков при попытке удалить из полка ненавистного солдатам, агитировавшего в защиту свергнутого царя подполковника Круссера не встретил поддержки со стороны командира полка и 7 марта принял решение создать полковой комитет[123]. «У нас явочным порядком возникают Советы солдатских депутатов, которые в своей деятельности выходят за рамки, отведенные для частных организаций, и являются фактически официальным учреждением, обладающим долей власти»[124], – сообщал в середине марта 1917 г. в Петроградский Совет прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 1-й гренадерской дивизии 10-й армии И. А. Кушин.

Большое влияние на развитие процесса создания солдатских комитетов в войсках Западного фронта оказал приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сведения о котором получили значительное распространение. Это признавали командующие Особой и 3-й армиями, 178-й пехотной дивизией, 2-й армией, командиры 21-го Муромского и 114-го Новоторжского пехотных полков 3-й армии, 61-го Сибирского стрелкового полка 10-й армии. Приказ № 1, по словам одного из большевистских лидеров Беларуси и Западного фронта В. Г. Кнорина, «был той грамотой солдатских вольностей, которую ждала и прекрасно поняла и усвоила солдатская масса»[125].

Солдатские комитеты были второй властью в армии, как правило являлись оппозицией командному составу, контролирующим органом его действия. Их создание с самого начала преследовало цель подорвать единоначалие командного состава, разложить армию. «В день, когда мы сделали революцию, – признавал один из членов Петроградского Совета, меньшевик И. Гольденберг, – мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили… надлежащее средство»[126].

Верховное командование, командование фронта и армий, другие начальственные лица видели, какую угрозу несет для армии приказ № 1 Петроградского Совета. Однако никто не осмелился запретить его. Попытка ограничить полномочия этого приказа только рамками Петроградского военного округа полного успеха не имела. Прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии, недоумевая по поводу воззвания исполкома Петроградского Совета, ограничившего под давлением военных властей своим приказом № 2 действенность приказа № 1 рамками Петроградского военного округа, писал в Петроградский Совет: «Чем объясняется указание последнего воззвания Совета рабочих депутатов (по соглашению с Гучковым), что приказы № 1 и № 2 относятся лишь к Петрограду? Нежеланием ли на основании оценки общего положения, чтобы у нас это делалось явочным порядком, или у вас просто не знают, насколько бессилен кто бы то ни был воспрепятствовать созданию таких организаций, если их захотят создавать?»[127]. «Как может так скоро меняться закон? Ведь ни в одном конституционном государстве честь не отдается, как теперь поставлено у

[123] Каменшчыкаў В. За ўладу Саветаў (1917 год на Заходнім фронце). Мінск, 1959. С. 6, 11.

[124] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 9.

[125] Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925. С. 13–14.

[126] Цит по: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 136.

[127] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 8–9.

нас?» – писал по тому же поводу с возмущением и пессимизмом в Петроградский Совет солдат А. Короложевич[128].

Временное правительство, видя нараставшее движение солдатских масс за предоставление им демократических прав, под давлением Петроградского Совета вынуждено было уступить. Приказом Военного министра А. И. Гучкова № 114 от 5 марта 1917 г. отменялись наименование «нижний чин», титулование, ограничения согласно уставу внутренней службы, воспрещавшие солдатам участие в общественных и политических организациях, езду в трамваях, курение на улицах и в общественных местах. От офицеров требовалось вежливое обращение с солдатами[129].

Командно-офицерский состав Западного фронта, в целом признавая необходимость реформирования русской армии, неоднозначно относился к способам и времени проведения военной реформы. За немедленное проведение военной реформы путем демократизации русской армии выступали в основном младшие офицеры, главным образом пришедшие в войска в ходе войны из студенческой среды, не знавшие военного быта и армейских традиций. Кадровые офицеры, особенно генералитет, связавшие свои судьбы с жизнью армии, имевшей вековые традиции, выступили против поспешной их ломки, за осторожное проведение военной реформы с учетом военного времени. «Считаем нравственным долгом выяснять на основании ближайшего наблюдения за войсками, влияние на боеспособность армии, которое оказывают, как практикуемый ныне способ проведения военных реформ, так и сущность этих реформ. Большинство касающихся армии распоряжений Временного правительства, объявленных «с согласия», а вернее под давлением Петроградского Совета, ведут к разрушению основ организации боевой силы государства и не дают возможности планомерно претворить в жизнь армии новые начала ее устройства. Мероприятия проводятся с вредной поспешностью, не считаясь ни с боевой подготовкой, ни с основами военного дела, ни с мнением военных, ни с поставленной самим правительством целью довести войну до победного конца», – записали в принятом 27 марта 1917 г. на собрании постановлении офицеры Генерального штаба Особой армии[130].

Офицеры Генерального штаба Особой армии упрекали Петроградский Совет за подрыв авторитета начальника в армии. В принятом постановлении в частности говорилось, что «Петроградский Совет, широко пользуясь печатью, свои постановления и проекты делает достоянием широких войсковых масс, которые в большинстве не могут уяснить себе необязательный характер этих сообщений и принимают их за новые указания, особенно когда они касаются расширения личных прав солдата», что «попытки офицеров выяснить истинный характер и необязательность для действующей армии этих постановлений зарождают в солдатской массе подозрение, что офицеры скрывают от них установленные Временным правительством льготы, и возбуждают недоверие к ним и даже враждебные чувства», и что «все постановления и проекты реформ, имеющие благую цель – демократизацию армии и предоставление солдатам гражданских прав, при умолчании об обязанностях, создали впечатление противопоставления солдатских масс офицерскому корпусу, а в итоге – вместо разрушения главным образом классовой перегородки, существовавшей между офицером и солдатом, воздвигается глухая стена морального разъединения»[131]. Большие возражения командного состава на Западном фронте – от командиров полков до командующих армиями – вызвало предоставление военнослужащим права участия в политической жизни, в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью. Опытные военачальники видели в поли-

[128] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29.

[129] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 424.

[130] РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121.

[131] РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121.

тизации армейской жизни в условиях многопартийности и межпартийной борьбы за власть роковые последствия для армии – «брожение умов, подрывающее боевую мощь армии», «разброд, падение дисциплины и разложение армии». Некоторые командиры предлагали отложить предоставление военнослужащим такого права, по крайней мере «до определения его Учредительным собранием»[132].

Хорошо знавшие жизнь и быт войск командиры считали даже нежелательным отмену казалось бы мелких ограничений, установленных солдатам уставом, таких как воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения ими трактиров, буфетов и ресторанов, так как это, по их мнению, «вследствие отсутствия достаточного развития и воспитания у большинства солдат, повлечет целый ряд поступков, не допустимых с точки зрения воинской дисциплины»[133].

Свои опасения и предостережения по случаю проводимой демократизации армии командный состав высказывал в телеграммах Военному министру. Однако последний, как и все Временное правительство, находился под сильным давлением Петроградского Совета, за которым стояли вооруженные силы.

Делая уступки сам, Военный министр А. И. Гучков призывал к этому и Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. Например, в разговоре по прямому проводу он предлагал ему отстранять от командования «заведомо неспособных генералов», чтобы упрочить свое положение. Причем советовал эти решения принять «безотлагательно, лучше сделать эти шаги добровольно, чем под принуждением»[134]. Так, уже 11 марта был уволен в отставку главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт. Таким же путем был уволен в резерв командир 3-го армейского корпуса генерал Г. Е. Янушевский. Согласно выработанной Военным министром совместно с Верховным главнокомандующим «программе обновления командного состава», подлежали замене и другие командиры и военачальники. Всего из частей и соединений Западного фронта к июлю 1917 г. были удалены или ушли по причине выраженного им недоверия 35 командиров и начальников[135].

Менялась тактика Верховного командования и по отношению к выборным солдатским организациям. Ставка, видя, что воспрепятствовать созданию солдатских комитетов невозможно, приняла решение руководить этим процессом: в состав созданных явочным порядком комитетов ввести офицеров для контроля за их деятельностью и направления этой деятельности на поддержание воинской дисциплины и порядка в войсках, на повышение их боеспособности, там же, где комитеты еще не были созданы, взять дело их создания в свои руки[136]. Предписывая это главнокомандующим фронтами, генерал М. В. Алексеев в своей телеграмме от 11 марта заключал: «Исключительность переживаемых событий и быстрое их развитие заставляют выйти из рамок обычных мероприятий, прибегнуть к приемам исключительным, лишь бы достигнуть цели»[137].

В целом содержание телеграммы было пессимистичным. В ней говорилось о начинавшейся дезорганизации, бессилии правительственного аппарата и развале армии, демагогической деятельности Петроградского Совета, тяготевшей над Временным правительством, о вмешательстве того и другого в управление армией. В качестве средства, противодействующего развалу армии, намечалась посылка в войска делегатов из состава Государственной Думы и Петроградского Совета для убеждения солдат.

---

[132] Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 68.

[133] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 66. Л. 267.

[134] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1759. Л. 120.

[135] Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 28.

[136] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

[137] Там же.

Все это свидетельствует о том, что Ставка Верховного главнокомандования уже в первые дни революции проявила растерянность и упустила из своих рук управление армией. Между тем, по мнению генерала А. И. Деникина, вскоре назначенного начальником штаба Верховного главнокомандующего, «грозный окрик верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение Петроградский Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры»[138].

Телеграмма Верховного главнокомандующего явилась официальным документом, узаконившим создание войсковых комитетов в русской армии. После ее получения главнокомандующий Западным фронтом, командующие 2, 3 и 10-й армиями приступили к осуществлению содержавшихся в ней указаний главковерха, создав 15 марта офицерско-солдатские комитеты при штабах армий, а также приказав «теперь же приступить» к выборам комитетов в частях и подразделениях фронта.

Развернулась массовая работа по созданию войсковых комитетов в соединениях, частях и подразделениях фронта. С этой целью созывались организационные собрания, которые, как правило, открывал начальник. При отсутствии общих правил создания и регламента деятельности во многих корпусах и дивизиях разрабатывались местные временные положения о комитетах, которые в основном являлись плодом деятельности интеллигенции – командно-офицерского состава. Общими в них были лозунги, определяющие цель организации: всемерная поддержка Временного правительства, война до победного конца, поддержание дисциплины и боеспособности армии, единение офицера и солдата. Создание войсковых комитетов происходило без каких-либо заметных трений и эксцессов между командно-офицерским составом и рядовой солдатской массой. К концу марта 1917 г. во многих частях и подразделениях фронта были созданы офицерско-солдатские комитеты. В их организации и работе не было единой системы. Соотношение представительства от солдат и офицеров в них также было разным. Например, в комитетах полкового звена оно соответственно колебалось от 3: 1 до 6: 1.

Созданием смешанных офицерско-солдатских комитетов, совместной работой офицерских и солдатских депутатов в них и в войсковых формированиях командование преследовало цель удержать солдат в повиновении, сблизить их с офицерами, повысить дисциплину в войсках и боеспособность. Деятельность комитетов оно стремилось направить на решение хозяйственно-бытовых вопросов, сделать их арбитрами при урегулировании тех многочисленных конфликтов, которые возникали между офицерами и солдатами.

Военное министерство, командование Западного фронта, опасаясь крупных волнений в войсках, с первых дней революции в своих распоряжениях призывали командно-офицерский состав соединений, частей и подразделений трения и конфликты решать не силовым методом принуждения, а улаживать их спокойно, сдержанно, путем убеждения и разъяснительной работы. Военный министр А. И. Гучков уже в первых числах марта 1917 г. в ответ на мнение главнокомандующего Западным фронтом о недопустимости в армии замены военных начальников явочным порядком, «помимо существующего высшего начальства», уведомлял его, что с такими фактами «следует бороться мягкими средствами, не возбуждая раздражения, чтобы не помешать тому успокоению, которое наступает в Петрограде», и полагал, что «все зависит от такта начальствующих лиц»[139]. Содержание телеграммы Военного министра было немедленно передано в войска, как указание, которым следовало руководствоваться командирам и начальникам.

---

[138] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 139.

[139] РГВИА. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 66. Л. 298.

Командиры и начальники на Западном фронте стремились следовать этим указаниям, прикладывали все усилия к тому, чтобы успокоить войска, призывали солдат и офицеров к взаимному единению, обращали их внимание на необходимость повышения дисциплины и поддержания боеспособности войск, сосредоточить все внимание в сторону внешнего врага. С этой целью они лично совершали поездки в части и соединения фронта, разъясняли солдатам и офицерам характер совершившейся революции и стоящие перед войсками фронта задачи.

«Объезжаю лично войска, но не могу поспеть везде в одно время, – сообщал в секретной телеграмме от 15 марта командующий 3-й армией генерал Л. В. Леш командирам 3, 31, 46 и 4-го конного корпусов этой армии, – необходимо твердое, честное признание нового строя начальниками, поддержание порядка нравственным тактичным воздействием без строгих мер. Надо войти в более сердечные и простые отношения с подчиненными, совершенно отрешившись от старых порядков, и признать открыто невозможность возвращения к старому строю», – рекомендовал он комкорам[140]. Неоднократные поездки для проведения разъяснительной работы совершал в войска командир 15-го армейского корпуса 3-й армии генерал И. З. Одишелидзе, другие военачальники.

На успокоение солдатских масс, поддержание дисциплины в войсках и их боеспособности командование фронта стремилось нацелить агитационную пропаганду прибывавших на фронт членов Временного правительства (А. И. Гучков, А. Ф. Керенский), депутатов Государственной Думы (Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко, Н. О. Янушкевич), Петроградского Совета (Н. Д. Соколов, Д. П. Михайлов и др.), Минского Совета и Минской офицерско-солдатской комиссии (Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев, С. Г. Могилевский, М. А. Михайлов (М. В. Фрунзе), Н. Хватов, Н. Квасов, Мореншильд, Г. Хасин, И. Утевский, А. Фишгендлер, Б. Фрумкин и др.), а также делегации Кронштадтского Совета, Черноморского флота и др.

Проводимая в войсках разъяснительная и агитационная работа давала только частичные результаты. Посещавшие войска делегаты, принадлежащие к разным полюсам общества, различным политическим партиям, нередко имевшим диаметрально противоположные цели и задачи в революции, вносили в сознание солдат еще большее смятение, вызывали подозрение и недоверие к тем, кто призывал к повиновению командирам, повышению дисциплины и боеготовности, к продолжению войны. Например, выступление кадета Н. Н. Щепкина перед солдатами и офицерами частей и подразделений 3-го Сибирского корпуса 2-й армии вызвало недоверие солдат к оратору по той причине, что он допустил критику деятельности Петроградского Совета и призывал «чрезвычайно осторожно относиться к сведениям» из революционно-демократической печати. «Это, – говорили солдаты, – не настоящий депутат, это переодетый полковник… Подавайте нам настоящих депутатов»[141]. За пропаганду повиновения требовавшему подготовки к наступлению на фронте командованию были избиты и арестованы солдатами на четырехтысячном митинге в 703-м пехотном Сурамском полку 2-й Кавказской гренадерской дивизии 10-й армии делегаты исполкома Петроградского Совета во главе с сенатором Н. Д. Соколовым[142].

Не оправдался расчет командования и на помощь создаваемых войсковых комитетов в поддержании воинской дисциплины, в повышении авторитета начальников, в сдерживании и предотвращении развития процесса выборного начала в частях и подразделениях фронта. Наблюдался рост числа случаев неуважительного отношения подчиненных к своим начальникам, нарушения воинской дисциплины на почве неотдания чести. Возобновился процесс дезертирства солдат с фронта. Развивалось братание солдат русской армии с солдатами

[140] Там же. Л. 233.

[141] Русское слово. 1917. 24 марта.

[142] РГВИА. Ф. 2606. Оп. 1. Д. 1. Л. 190.

противника. Продолжались случаи выраженного солдатами недоверия своим командирам, устранения их от командования или попыток к этому. Причем под давлением солдат только созданные войсковые комитеты принимали постановления об удалении неугодных командиров и начальников, замене их новыми. Такие факты во второй половине марта имели место в 1-й артиллерийской бригаде, 711-м пехотном Нерехтском полку 2-й армии, в 23-м пехотном Низовском полку 6-й пехотной дивизии, в одном из полков 181-й пехотной дивизии, в 28-м военно-дорожном отряде, 151-й хлебопекарне 15-го армейского корпуса 3-й армии[143], в других частях и подразделениях Западного фронта.

Движение солдатских масс за предоставление права выборного начала и осуществление этого права под давлением комитетов явочным порядком приняло на Западном фронте такой широкий размах, что помимо запретных распоряжений Временного правительства, Военного министра и приказов Верховного главнокомандующего, заставило главнокомандующего фронтом генерала В. И. Гурко дважды (25 и 27 марта) специально обратиться к войскам с приказами, разъяснявшими незаконность и пагубность для армии этого явления и категорически запрещавшими производить какие-либо перемены в командном составе «помимо распоряжений Временного правительства или высшей военной власти»[144].

За самовольные действия в имевших место случаях ареста командиров и их устранения никто никакой ответственности не понес, а результаты выборов начальников не были аннулированы. Напротив, в одном из приказов (от 25 марта 1917 г.) главкозап В. И. Гурко объявлял, что «все произошедшие до времени этого приказа случаи самоуправства» им забыты и он «ставит на них крест», пригрозив лишь судебной ответственностью, если подобные действия будут повторяться впредь. Все это в какой-то мере потворствовало незаконным действиям, еще больше подрывало авторитет командного состава. Борьба за введение выборного начала в русской армии продолжалась вплоть до Октябрьской революции, после победы которой выборность командного состава стала реальностью.

Следует отметить, что в падении авторитета командира, подрыве статуса единоначалия в русской армии в немалой мере был повинен сам командно-офицерский состав. Руководствуясь принципом целесообразности, командиры и начальники сосредотачивали основное внимание на боевую и оперативно-тактическую подготовку войск, меньше уделяли внимания их морально-политическому состоянию. В результате в целом командно-офицерский состав оказался неподготовленным к тем явлениям и процессам, которые были развязаны Февральской революцией в русской армии. «Офицерство переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искали разрешения вопросов мятущейся совести», – отмечал позже генерал А. И. Деникин[145]. В донесении командующему 3-й армией о политическом настроении войск 15-го армейского корпуса комкор генерал И. З. Одишелидзе отмечал, что «в разных частях это настроение разное, в зависимости от близости к ним офицеров, достаточной интеллигентности их и желания вникнуть в душу солдата и в суть происходящих великих событий. К сожалению, большая часть офицеров и ближайшего к полкам командного состава недостаточно интеллигентна, не понимает ясно самой сущности Великого переворота, не чувствует и не видит страстной тоски солдатской массы по интеллигентным руководителям, душевно

[143] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1735. Л. 89; Ф. 2208. Оп. 8. Д. 14. Л. 195, 319–320; Д. 15. Л. 13–16; Ф. 2637. Оп. 1. Д. 82. Л. 406.

[144] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 4. Д. 3. Л. 19; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1602. Л. 219.

[145] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 114.

к ним относящимся и толково, просто разъясняющим им сущность вопросов и событий, нахлынувших внезапно и требующих немедленного реагирования, … офицерский состав, пришибленный первым взрывом солдатского недружелюбия и обезличенный событиями и распоряжениями свыше, игнорирующими их специальные интересы, как-то съежился, притих, замолк и в комитетах больше безмолвствует…»[146]

Таким образом, демократизация старой русской армии, процесс которой был начат после победы Февральской революции в России, явилась основным фактором подрыва единоначалия командного состава. Партии революционной демократии, поставившие цель разложить старую армию, как основной оплот самодержавия, чтобы не допустить реставрации последнего, добивались этого настойчиво и планомерно. Основной удар по единоначалию в войсках был сделан созданием войсковых комитетов, явившихся, по сути, второй властью в армии.

Создание войсковых комитетов, передача командованием в их ведение, хотя и второстепенных по значимости, хозяйственно-бытовых вопросов явилось отходом от единоначалия, поставило командование перед не прекращавшейся до Октябрьской революции борьбой за сохранение дисциплинарной власти и авторитета начальника со стремившимися к расширению своих прав комитетами вплоть до введения выборного начала и вмешательства в оперативно-боевое управление войсками.

[146] РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 15. Л. 142.

2.3. Влияние политизации армейской жизни на дисциплину и боеготовность войск

С первых дней победы Февральской буржуазно-демократической революции вышедшие из подполья политические партии развернули борьбу за влияние на массы. Лидеры всех политических партий понимали, что исход революции главным образом будет зависеть от того, на чьей стороне окажется армия. Именно поэтому армия стала ареной наиболее острой межпартийной борьбы.

Действенным средством воздействия на солдатские массы являлась идеологическая пропаганда в войсках. На Западном фронте существовал довольно широкий спектр политических партий: социалисты-революционеры (эсеры), народные социалисты (энесы), конституционные демократы (кадеты), меньшевики, большевики, национальные партии. Однако после выхода из подполья все они были немногочисленными и представляли собой небольшие разрозненные группы, не имевшие связи между собой и с партийными центрами.

Наиболее значительными по численности после Февральской революции на Западном фронте были эсеры. Так, среди делегатов 1-го фронтового съезда, состоявшегося в первой половине апреля 1917 г., 40 % составляли социалисты-революционеры. Более высоким был удельный вес эсеров в создаваемых на фронте солдатских комитетах, начиная с полковых и выше. Членами эсеровской партии являлись многие офицеры, военные чиновники, а также солдаты.

Значительно уступали эсерам по численности меньшевики. Членами меньшевистской партии являлись прежде всего представители военной интеллигенции (медицинские и ветеринарные врачи, работники военной печати, небольшая часть солдат – бывших рабочих). Представители меньшевиков также входили в состав войсковых комитетов.

Меньше по численности, по сравнению с эсерами и меньшевиками, на Западном фронте было энесов и кадетов. В кадетскую партию входили в основном представители высших офицеров. Занимая высокое служебное положение, они имели большие связи с Временным правительством и его учреждениями, с аппаратом Земского и Городского союзов и располагали большими материальными и моральными возможностями влиять на солдатские массы.

Организаций партий большевиков в момент Февральской революции на Западном фронте и прифронтовой полосе не было. В частях фронта действовали отдельные большевики. Например, в 31-м пехотном Алексеевском полку 3-й армии разъяснительную работу среди соддат проводил большевик М. С. Хомутов, в 220-м пехотном Скопинском полку – И. Васильев, в 18-м гренадерском Карском полку 2-й армии – Ф. Д. Захаркин, в 32-м Кременчугском пехотном полку – Исаев и Воротников, в 25-м Сибирском стрелковом полку – Иванов, Кузнецов и Радкевич, в 722-м пехотном Салтыково-Неверовском полку – А. М. Пыжов[147] и др.

Связи между собой и с партийными центрами большевики фронта не имели. И только в первые дни революции в Минске встретились М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорин, И. Е. Любимов, И. Г. Дмитриев и др.

В марте стали создаваться первые партийные организации в прифронтовой Беларуси: объединенная большевиков, меньшевиков и бундовцев в Минске – 11 марта, большевистская в Бобруйске – 17 марта, большевистская в Гомеле – 6 апреля и др.

[147] РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 14. Л. 15; Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. 1990. № 5. С. 51.

После выхода из подполья большевики фронта развернули работу по укреплению имевшихся и созданию новых партийных групп, ячеек и организаций, активизации их работы в действующей армии. В первые же дни после победы революции были созданы большевистская группа в 8-м понтонном батальоне 3-й армии и ячейка в 18-м гренадерском Карском полку 2-й армии, на базе созданной накануне революции большевистской группы – партийная организация в 15-м инженерном полку 3-й армии[148].

Вышедшие из подполья и вновь создаваемые партийные группы, ячейки и организации всех партий открыто повели пропаганду среди солдат и местного населения. Развернулась острая идеологическая борьба за массы, основными вопросами которой были война, ее продолжение или прекращение, а также проблемы собственности на землю, власти, государственного устройства России и др. Причем взгляды на пути решения этих вопросов у крайне правых (кадетов, энесов) и левых (большевиков, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров) партий были диаметрально противоположными.

После свержения самодержавия и перехода власти в руки буржуазии стратегическая цель кадетов заключалась в укреплении этой власти. Основным направлением, на котором кадеты сосредоточили свои усилия, была борьба за ликвидацию двоевластия, устранение Советов и сосредоточение всей власти в руках Временного правительства, в котором они видели главный орган единовластия демократии и которое по своему духу, программе и составу было кадетским.

Кадеты и контролируемое ими Временное правительство стояли за продолжение войны до победного конца, поэтому откладывали решение главных социально-экономических и политических проблем – наделение крестьян землей, официальное введение восьмичасового рабочего дня и других положений рабочего законодательства, разрешение национального вопроса. Главный их довод заключался в том, что эти реформы конституционного порядка и могли быть решены только Учредительным собранием. Кроме того, кадеты считали, что для подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание потребуется время, а для организации выборов и наибольшего охвата ими солдат лучше всего их провести после войны или, в крайнем случае, в осенне-зимний период, когда снизится активность военных действий.

В то же время большевистская партия выступала за радикальное и быстрое решение всех важнейших проблем в интересах трудящихся – прекращение империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую против правительств воюющих стран, немедленную конфискацию помещичьих земель и передачу их через земельные комитеты безземельным крестьянам, немедленное введение восьмичасового рабочего дня, решение других социальных и политических вопросов, не дожидаясь Учредительного собрания.

Что касается вопроса о власти в стране, то Центральный комитет партии большевиков уже 27 февраля обратился с манифестом «Ко всем гражданам России», в котором, сообщая о свержении царского самодержавия и победе революции в Петрограде, призывал рабочих и солдат «создать Временное республиканское правительство». В обязанность такового и ставилась задача немедленного решения всех важнейших проблем, и прежде всего – «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих поработителей и угнетателей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, навязанной порабощенным народам»[149].

---

[148] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 80.

[149] Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 80.

Представители каждой политической партии через призму программы той партии, к которой они относились, стремились формировать у солдат представление о революции и способах решения назревших политических и социальных проблем.

Не имея достаточных для пропаганды сил на фронте и четкого направления агитации, представители политических партий обращались за помощью в центральные партийные органы. «Здесь я один на много тысяч человек, хоть сколько-нибудь разбирающийся в политических вопросах. А впереди ведь производство выборов в Учредительное собрание, да и сейчас так много всяческих вопросов», – сообщал в Петроград меньшевик-интернационалист прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка И. А. Кушин одному из своих коллег по партии и просил его «связать со всеми старыми товарищами», «ввести в курс дел» и подсказать «что делать? Как делать?»[150]. «Прошу возможно скорее выслать программы социал-демократической и социал-революционной партий», – обращался в Петроградский Совет из 31-го пехотного Алексеевского полка И. М. Соколов, еще не знавший «где обосновались комитеты этих партий»[151]. Подобных примеров можно привести множество.

В первые дни после Февральской революции Западный фронт в политическом отношении представлял собой аморфную массу, не имевшую какой-либо четко выраженной политической окраски. «Солдаты здесь примитивны, политический смысл происшедшего им недостаточно ясен. … Но жадность к политическим вопросам очень велика…»[152], – так характеризовал ситуацию на фронте в письме своему коллеге по партии в Петрограде один из меньшевиков.

Эту благодатную для политической агитации среду и стремилась использовать в своих интересах каждая из политических партий. Уже 2 марта главнокомандующему Западным фронтом стало известно о делегации в 50 человек, следовавшей из Великих Лук в Полоцк для революционной пропаганды в войсках фронта. 4 марта 17 человек, следовавших с такой же целью из Петрограда, были арестованы в Полоцке.

В это же время в Могилеве была рассеяна команда, отправившаяся на фронт от Московского исполнительного комитета.

Командование, пытавшееся первое время препятствовать проникновению на фронт агитаторов из представителей социалистических партий путем применения жестких мер – вплоть до арестов и расстрелов, вынуждено было уступить. Исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев 11 марта в телеграмме главнокомандующим фронтами, признав бессилие Ставки и Временного правительства в борьбе против проникновения на фронт распоряжений и воззваний Петроградского Совета, а также видя опасность агитационной пропаганды в войсках со стороны создавшихся в городах тыла местных Советов, считал необходимым пойти на компромисс. В частности, для ведения пропаганды в войсках он предлагал организовать «особые комитеты из подходящих работников, рекомендованных Думой или правительством», то есть представителей буржуазных партий[153].

Главнокомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, в принципе соглашаясь с предложением генерала М. В. Алексеева создать такие комитеты, намерен был все-таки отвести им в деле пропаганды лишь вспомогательную роль, как состоявшим «из посторонних армии не военных людей», да и то при условии введения в их состав «лучших людей из

[150] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 520. Л. 1.

[151] Там же. Л. 19.

[152] Там же. Д. 554. Л. 8.

[153] Смольянинов М. М. На пути к Великому Октябрю. С. 19.

недр самой армии». Основную ставку в идеологической пропаганде в войсках он делал на командно-офицерские кадры из «числа преданных новому строю»[154].

Однако следует отметить, что этот расчет главкозапа, как показали последующие события, не оправдался. Офицерский корпус в ходе Первой мировой войны претерпел значительные изменения. Кадровое офицерство, главным образом дворянского происхождения, в ходе военных сражений к 1917 г. было в значительной степени истреблено. На смену пришли молодые офицеры – выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, которые вынуждены были подчиняться неписаным законам замкнутой организации дворянской части командного состава. И хотя многие из офицеров военного времени встретили революцию сочувственно, перешли на службу Временному правительству, примкнули к партиям меньшевиков и эсеров, составив обширный слой комитетской иерархии, тем не менее солдаты в большинстве случаев инстинктивно не доверяли им, считая их частицей эксплуататорско-дворянского класса. «Солдаты видят в офицере барина и невольно отождествляют его со старым режимом», – вынужден был признаться в одном из донесений Верховному главнокомандующему главкозап генерал В. И. Гурко[155].

Кроме того, само офицерство в сложившейся ситуации оказалось не на высоте положения. Во многих случаях оно было не только профессионально не подготовлено для агитационно-политической работы среди солдат, но и открыто выступало против политизации войск вообще. «Офицерство не только абсолютно невежественно, оно скрыто враждебно относится к таким вещам, как предоставление солдатам политических прав. Особенно офицерство высшее, начиная со штаб-офицеров», – сообщал в Петроградский Совет один из младших офицеров 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии[156].

Командиры с большим жизненным и боевым опытом с самого начала увидели в политизации армии то большое зло, которое приведет к падению дисциплины и боеспособности войск, к полному разложению армии, и высказывались против нее. Например, командир 634-го пехотного Новокиевского полка считал, что вмешательство во внутреннюю жизнь действующей армии политических партий приведет к разрушению основанных вековыми традициями устоев, вызовет опасное брожение умов, подорвет боевую мощь армии и отвлечет ее от выполнения своего долга перед родиной[157]. Совершенно не совместимым с духом военной службы считал участие военнослужащих в политическом движении командир 31-го армейского корпуса генерал Мищенко, так как это, по его мнению, вызовет «самые тяжкие последствия, внеся в войска разброд, страсть и разложение, гибельные для армии и отечества»[158]. Против предоставления права военнослужащим участвовать в «различных союзах, обществах и организациях, образуемых с политической целью», высказался командир 1-го Сибирского корпуса генерал М. М. Плешков, считая, что «устройство общедоступных митингов и собраний с политической целью … неминуемо приведет к полному развалу дисциплины, а без дисциплины армии нет, а есть только толпа»[159]. «Недопустимым участие чинов армии в обществах, союзах, кружках, образуемых с политической целью», – считал инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса генерал Андреев, так как «армия должна быть солидарна, преследовать одну общую цель, достижение же этого невозможно, если

[154] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

[155] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 428.

[156] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 9.

[157] РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 62. Л. 33–34.

[158] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1760. Л. 46–47.

[159] РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 68.

армия будет состоять из групп разных политических партий и сообществ, добивающихся разных, часто противоположных целей»[160].

Однако командование не могло противостоять разворачивавшемуся процессу политизации войск, который осуществлялся главным образом тремя путями – делегированием в войска политическими партиями своих представителей для ведения устной пропаганды, путем направления периодической печати, а также путем совместного пребывания солдат с рабочими в Советах, участия в различных шествиях, манифестациях и митингах.

[160] Там же. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 66. Л. 266.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.